

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**ДМИТРИЙ КРАМ
ВМЕРЗШИЕ**

ИДДК

S-T-I-K-S

Дмитрий Крам

S-T-I-K-S. Вмерзшие

«ИДДК»

2020

Крам Д.

S-T-I-K-S. Вмерзшие / Д. Крам — «ИДДК», 2020 — (S-T-I-K-S)

В этих местах кровь стынет в жилах не только от ужаса, но и от всепоглощающего, всепроникающего, вездесущего холода. Это самый далекий участок Улья. Здесь тебе придется вступить в схватку не только с зараженными, но и с силами природы. Ты попадаешь в непростую ситуацию – твой кластер оказался на вершине горы. Как спуститься вниз, если нет нужного снаряжения, а у подножья огромный мутант караулит свежее мясо? По обмолвкам крестного, который бросил тебя умирать, известно, куда идти. В этом всеми богами забытом месте есть люди, и нужно до них добраться, ведь ты чувствуешь, что еще немного, и психика не выдержит. Ледоруб в руке. Ракетница за поясом. Рюкзак на спине. Придется рискнуть, ведь кроме собственной жизни терять нечего.

© Крам Д., 2020

© ИДДК, 2020

Содержание

Глава 1. Пятьдесят вторая смерть	6
Глава 2. Экстремальный биатлон	12
Глава 3. Робинзон снежной равнины	17
Глава 4. Старик	22
Глава 5. Хутор	27
Глава 6. Земли диких	32
Глава 7. Новые знания	38
Глава 8. Задобрил Улей	45
Глава 9. Снова день сурка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Крам Вмерзшие

© Крам Дмитрий
© ИДДК

Глава 1. Пятьдесят вторая смерть

Холодно. Как же, сука, холодно.

Не, ну что за уроды? Я чувствовал, как замерзаю насмерть. Не страшно умереть за правое дело, за друзей, за любовь. В этом случае я бы даже нашел в себе силы улыбнуться и по киношному плюнуть кровью в лицо врага, но вот так ни за что ни про что. Обидно...

За неделю до этого

Густой зеленый туман рассеялся, и последние всполохи северного сияния улетели вместе с легким порывом ветра. Красотища! Уже пятьдесят два раза это видел, а все так же завораживает.

Утро начинается замечательно. Сегодня у меня просто прекрасное настроение. Ведь это последний день на чертовой горе. Если, конечно, все пойдет по плану.

«Еще немного подтянуть себя на веревке», – думал я, в очередной раз поднимаясь с уступа на равнину. Руки показались над обрывом. Рывок, и вот я уже перевалился через край.

Замер падшим ангелом, решил полежать на спине и отдышаться. Это в том мире, вспотев от нагрузок и валяясь на снегу, рискуешь мигом заполучить воспаление. А здесь мне по боку, я бессмертный.

Ладно. Хватит прохлаждаться. Встал, отряхнул снег. Пора идти. День сурка продолжается. Время получить хоть капельку положительных эмоций напоследок.

Альпинистские ботинки с хрустом приминали наст. Солнце Улья сегодня похоже на земное. Светит так, что даже снег на крышах плавиться начал. Яркость ему в настройках вывернули что ли?

Местные аборигены уже проснулись. Вон выползают как зомби из своих жилищ. И ведь мое сравнение не так уж далеко от истины.

Я шел по главной улочке поселка напрямик к клубу. Повсюду стояли маленькие аккуратные цветные одноэтажные и двухэтажные домики, как с рекламного постера. Самые резвые отдыхающие в цветастых куртках уже бежали мне навстречу.

– Привет, Олег! – крикнула сбегаящая с холма девчонка.

Не Олег, а Фарт, мысленно поправил я ее.

– Не беги, грохнешься. – буркнул в ответ.

Три. Два. Один. Звук падения и стон. Я же говорил.

– Щас отвалится, – сказал проходящему мимо парню со сноубордом в руках.

Не успел он пройти и пяти шагов, как крепление слетело с доски.

– Какого? – возмущенно выпалил он мне в спину.

– Здорова, Олег! – хором выдали Евгений и Геннадий и расплылись в улыбке.

Как всегда без шапок, соревнуются, кто дольше не заболит. Кретины.

За глаза их все зовут Лёлик и Болек. Они лучшие друзья и похожи, как братья близнецы. У обоих на лицах такое выражение врожденной дебильности, что сложилось впечатление, будто их в одном абортарии воскресили.

Делаем ставки. Ставлю сегодня на Лёлика. В прошлый раз он первый загрыз Болека. Вообще, они почти наравне идут. Если я, конечно, ни разу не сбился и не перепутал их. 26:25 в пользу Евгения. Посмотрим, чья сегодня возьмет вверх.

– Батарейка почти на нуле, – сказал я только что вышедшей из домика девчонке с фотоаппаратом в руках.

Она глянула на дисплей, ойкнула и заскочила обратно.

– Ух ты, Олеж! Привет, – чмокнула меня в щеку Светка.

Самая доступная здесь девчонка. Сколько раз я ее соблазнял. Мой рекорд двадцать три минуты. Не в смысле меня в постели с ней на столько хватило, а в плане, что ровно столько понадобилось, чтоб ее уговорить.

Вообще-то вроде ничего такого, взрослый мужик. Но вот совесть почему-то мучает. Не было у меня до попадания сюда секса без любви. Как говорит мой лучший друг Макс: «Идиот ты, моногамный». Может и так.

– Привет, что сегодня вечером делаешь? – спросил я, приобняв ее за талию.

– Пока не знаю, – хитро прищурилась она.

– Планы не строй. Зайду за тобой, – сказал я и пошел дальше.

Именно такой подход ей нравится больше всего. Нет, Светуль, отныне ты не моя проблема. Хватит того, что уже пятьдесят раз тебя упокоил. Сегодня хочу свалить отсюда.

– Привет, девчата, – помахал я двум красоткам в легких куртках, полным противоположностям Светки.

Реинкарнации Матери Терезы.

Вообще, я тут ко всем девчонкам подкатить пытался. Вот Олеся и Аня – самые недоступные. Все перепробовал. Но там девственность головного мозга, такое лечится только изнасилованием. А с горы в моей башке пока не настолько лавина сошла, чтоб я такое вытворял. Хотя чувствую, еще пара перезагрузок, и не знаю, на что готов буду пойти. Сам себя уже боюсь.

За раздумьями подошел к синему домику с красной дверцей и постучал носком ботинка.

– Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, – раздалось из-за двери.

И что я на этот раз за придурок?

– Я пришел к тебе с кастетом, чтоб снести тебе еба... гхм... лицо, – сказал я в ответ.

– Это кто там такой дерзкий? – дверь распахнулась, и на меня уставился... я.

Да, только рожка у меня сейчас не такая помятая. Оздоровился на местном воздухе. А так, все то же. Разве что теперь мышцу поднакачал. Ну и оброс, щетина прет, будь здоров. А у моей копии вон, три волосины, и те друг от друга шарахаются. По одной на каждую щеку и последняя на подбородке.

Что про меня сказать? Не красавец, но и не урод. Если не побрит налысо, чем иногда болеют некоторые мои версии, то вполне способен сойти за приличного человека.

– Что за нах... – не успел я, ну то есть не совсем я, договорить, как словил нижний в челюсть.

Я быстро проскользнул внутрь и запер дверь.

– Опа. – удивленно выдал я, когда увидел на кровати спящую Машу.

Любовь всей моей жизни. Сестра моего лучшего друга. Собственно, из-за нее меня и понесло на этот чертов курорт, хоть сроду ни на лыжах, ни на сноуборде не стоял. Уже здесь всему этому научился. Хотел перевести наши с ней отношения в другую плоскость и отдохнуть после армии.

Да-а-а, а моя копия на этот раз не промах оказался. Сделал то, на что мне не хватило уверенности. Нет, у меня никогда не было проблем с женским полом. Отношения строил исключительно по любви. Но надолго они не затягивались. Виной всему Маша.

Своих бывших пассий я любил, но не так, как ее. Все-таки с детства с ней дружим, и лучше женщину даже представить трудно. И мог бы уже за пятьдесят две перезагрузки затащить ее в постель. Да только не хотелось разрушать эту магию. Ведь тогда будет еще больнее, еще тяжелее убивать ее раз за разом.

Моя копия начала приходить в себя, и пришлось еще разок прописать ему в челюсть. Аж у самого невольно подбородок закололо.

Я связал его, сунул в рот кляп и, обернув в простынь, понес в соседний домик. Там положил бессознательное тело у порога и постучал.

– Кто там? – раздалось изнутри.

– Служба доставки острых ощущений.

– Не понял, – сказал мужской голос, и любопытство заставило хозяина открыть дверь.

Загорелый парень с отбеленными зубами в голубом халате улыбнулся и спросил:

– Чем могу помочь? Классная, кстати, куртка. У меня точно такая же, – тыкнул он в мою белую «Аляску».

Угу, точно такая же, и ботинки у меня такие же. Совпадение? Не думаю. Ему было невдомек, что это и есть его куртка, только из прошлых перезагрузок.

Я бесцеремонно ударил его головой об косяк. Затащил свою копию и заскочил внутрь, чтоб никто не увидел. Лишнее внимание пока ни к чему.

Хозяина домика звали Артур. Сын какого-то миллионера, он обычно устраивал истерику похлеще любой здешней девчонки и почему-то полагал, что все должны его спасать. Даже если он окажется иммунным, я сделаю вид, что меня здесь нет.

Пусть урода сожрут. Нет у меня такого количества нервов, чтоб возиться с этой принцессой. Такие не выживают в Улье. Лучше сразу на корм, чтоб не мучился.

Артура я тоже связал и сунул в рот кляп. Упаковал одного пленника в кладовку, второго в туалет. Нашел на крючке в коридоре ключи и вышел из домика, закрыв его. Эта часть плана реализована. Едем дальше.

Я вернулся к девушке с фотоаппаратом. Звали ее Оля. Она фотограф и приехала на курорт исключительно из-за пейзажей. Снимки у нее действительно получались волшебные. Даже мне, бездарю и профану, очевидно, что у девчонки природный талант. Правда, сейчас ей это ничем не поможет.

Я постучал в окошко костяшками пальцев. Оля распахнула дверь.

– Зарядился?

– Еще нет, – недоуменно выдала она, силясь сообразить, что мне нужно.

«Как же он зарядится, если электричества нет?» – подумал я, а вслух сказал:

– Можешь дать буквально на пять минут? Нужно сделать один мега кадр.

– Эм-м... – задумалась она, удивленная таким предложением. – Ну, возьми, только...

– Знаю, знаю, – прервал я девушку, – кнопку жать аккуратно, дисплей не лапать, настройки не сбивать. Я работал с такими моделями. И штатив, будь добра.

Если ее не остановить, она этот инструктаж может на полчаса затянуть. Я про ее фотоаппарат знаю уже больше, чем его производитель. Потому что от скуки за пятьдесят две перезагрузки узнал в подробностях историю каждого из почти трехсот обитателей курорта.

Девушка отдала мне фотоаппарат со штативом. И я, трепеща внутри от предвкушения, пошел наконец к клубу. Эмоции просто зашкаливали. Хотелось прыгать. Это моя любимая часть каждой перезагрузки.

Я ворвался в здание клуба и подбежал к барной стойке. Семен Осипов уже протирал бокалы.

– Сема! – сходу окликнул я. – Брось это дело. Мне нужна твоя помощь. Это срочно! – я просто искрил от переполнявших эмоций.

– Что?

– Нужно сделать один эпичный кадр. Ты идеально подходишь, бежим скорей.

– Но... – пытался было запротестовать он.

Я потащил его на улицу через запасной выход, Сема еле успел схватить с вешалки куртку с шапкой.

– Дело пяти минут, – успокоил я его, сунув в руки штатив.

Мы пробрались через сугробы к краю пропасти на заднем дворе клуба. Я вытоптал поляну у самого обрыва. Семен в своей красной куртке и легкой шапке выжидающе смотрел на меня.

– Вставай вот сюда. Глаза закрой, голову чуть подними и руки в стороны расставь.

Я установил фотоаппарат на штатив и выставил таймер. Посмотрел на Сему. Вот он. Рост чуть ниже среднего, слегка загорелое лицо, козлиная бородка, светлые, почти рыжие волосы. Точная копия моего крестного по кличке Козел. Он говорил, что это все из-за бородки, но учитывая, что подонок бросил меня, а сам свалил, мне кажется, что дело вовсе не в ней.

– Готов? – спросил я.

– Да.

– Кстати, поздравляю, ты умираешь пятьдесят второй раз за год.

– Не понял?

– Сейчас поймешь, – сказал я и ударил его ногой в грудь, аля «this is Sparta!».

Точнее «this is STIKS!».

Раздался удаляющийся крик. Я заглянул через край пропасти и с трудом разглядел изломанную фигурку на дне обрыва. Подошел к фотоаппарату и посмотрел. Крутой кадр. Вышло прям-таки кинематографично.

Моя нога, тело Семена, запрокидывающееся назад. Его расширившиеся от ужаса глаза. Последний раз должен быть самый эпичный. Так я себе пообещал.

С тех пор, как остался здесь один, единственной моей отрадой было убийство двойника крестного. Такая игра с самим собой. Убивать его каждую перезагрузку и ни разу не повториться в выборе метода умерщвления. Надо же чем-то себя занять.

Пожалуй, стоит рассказать обо всей ситуации поподробней.

Мой кластер расположен на высоте около километра на плоской вершине горы. С каждой из сторон его окружают отвесные обрывы. Словно Улей спрятал ото всех свой маленький эксперимент.

Кластер перезагружается каждую неделю. Те, кто в это время катается на фуникулёре, сразу улетают в пропасть. Если посмотреть через край, то можно увидеть множество раскуроченных кабинок.

Обычно один оставшийся в живых самый сильный зараженный к этому времени успевает отъедаться до рубера или сугробника, как здесь говорят. От безысходности перед перезагрузкой он спрыгивает с горы и если каким-то чудом выживает, уходит, а точнее, уползает на изломанных ногах. Но таких счастливчиков один на тысячу.

– Там столько трупов раньше валялось у уступа, гора целая, – говорил мой крестный. – Подходи да потроши, работенка левая. Иногда даже наверх не лезу, смысла нет. А в этот раз решил подняться, вот меня Улей и подловил. Не зря говорят, возвращаться в родной кластер – плохая примета.

– И почему тогда сейчас тел внизу так мало? – спросил я его.

– Ходит тут кто-то. Поэтому не часто здесь бываю. Если свежие следы вижу, то разворачиваюсь и ухожу. А путь обратно не близкий. К юго-востоку, почти до центра долины. Там стоит Цитадель.

Вот так ровно год назад я и попал в Улей. Мой крестный Козел в очередной раз лез потрошить этот застрявший на вершине горы кластер. Он был с подельником, но что-то пошло не так. Случился небольшой рассинхрон, и вместо того, чтоб как обычно порезвиться с пустышами, рейдеры угодили в кластер, где их уже поджидал подъевший всех кусач. Здесь такую тварь за любовь прятаться в сугробах еще зовут снеговик.

Крестный утверждал, что зараженный был моей копией, но я ему не верю. Подельник Козла погиб, а сам он оказался ранен. Ему пришлось спуститься на уступ, метрах в пятнадцати ниже уровня кластера. Когда перезагрузка кончилась, он чудом поднялся.

Я оказался иммунным, и он мне все объяснил. Я вылечил и выходил его за неделю. Делал все, что Козел говорил, и впитывал каждую каплю информации, которой рейдер делился крайне скупно. Близилась следующая перезагрузка. Пора было идти в большой мир.

Мы начали спускаться. Когда оказались на уступе, крестный сказал, что пойдет первый и потом встретит меня. Козел заскользил вниз, а потом просто рассмеялся и отрезал веревку. Вспышка, и он уже у подножия. Представьте тогда мое удивление. Ублюдок обладал способностью телепортироваться, а веревка здесь была для его дружка.

И я оказался заперт на чертовом уступе, крестный оставил меня умирать. Видимо, чтоб не делиться и сохранить в тайне свою поляну. Но я дождался перезагрузки и докричался помощи. Сверху мне скинули канат и подняли.

Видели бы вы, как расширились зрачки Козла, когда он увидел меня через месяц. Я ждал его. Знал, что ублюдок не сможет не вернуться. И ведь крестный в первую очередь пошел убивать своего двойника, а потом моего.

Там-то я его и подловил. Всадил нож прямо в грудь. Клинок легко прошил утеплитель куртки. Да только Козел успел телепортироваться, но далеко не ушел.

Тот самый зараженный, иногда проверяющий самопополняющуюся кормушку у подножья, подловил крестного. Огромная мохнатая тварь не торопясь начала жевать еще живого Козла. Я наблюдал за всем этим в бинокль с высоты в километр, но мне казалось, будто слышу хруст костей.

С тех пор я потихоньку коплю веревку для спуска вниз. Перезагрузки переживаю на все том же уступе. Только теперь у меня заранее заготовлен репшнур для подъема и на всякий случай выдолблены щели.

По мере сил стараюсь не свихнуться, не знаю, получается или нет. Собираю барахлишко, которое может потом пригодиться. Выбор здесь небольшой, но за пятьдесят две недели полезных предметов получилась гора. Не знаю, как все забирать буду, за одну ходку не унести.

В основном ледорубы, сноуборды, рюкзаки, лыжи да обувь, ну и еще по мелочи. Стоит все, конечно, не много, но зато в больших количествах. На черный день, так сказать. Плюс, иногда я все же давал тварям прилично отъедаться. Так что споранов и гороха скопил достаточно. Должно хватить на первое время.

И где-то там в снегах лежит рюкзак Козла. Вряд ли я его найду. Но если вдруг повезет об него запнуться, то стану богат. У этого говнюка там добра навалом.

Ладно, это все лирика. Пора и делом заняться. Я в последний раз глянул на труп Семы. Прощай, козлина. Мне пора отсюда сваливать. Пинком отправил штатив вместе с фотоаппаратом в пропасть. Прости, Оля, но будь у тебя даже фоторужье, оно бы тебе здесь вряд ли помогло.

Я вернулся в домик Артура. Освободил свою копию, вручил ему ледоруб и дал краткие указания. Представляю, как у него сейчас голова кругом идет. Но мне некогда с ним возиться. Вот весело будет, когда двойник еще и связанного владельца домика найдет и попытается ему втереть, что это не он его вырубил.

Я забрал последний кусок веревки. Мне дико не повезло, ведь альпинистский городок не перемещался вместе с остальным курортом, поэтому приходилось собирать жалкие обрывки строп, веревок и репшнуров на складе аренды снаряжения.

Очнувшиеся люди наконец заподозрили неладное. Они как всегда устроили общее собрание в клубе. Сколько раз я тоже пытался так их собрать и рассказать обо всем. Но все равно начиналась паника. Ладно, детишки, удачи вам. Вы больше не моя проблема. Мне пора.

В последний раз глянул на стройные ряды цветных домиков, на Машу, спешащую к зданию клуба. Ну, прям как Том Хэнкс, с острова уплывающий. Даже глаза защищало.

* * *

Стоя на уступе, я посмотрел вниз в бинокль. Свежих следов не видно. Ну и замечательно. Рюкзак уже дожидался внизу, еще на прошлой неделе спустил его. Вон, снегом припорошило. Только лямка и торчит.

Оделся я не по погоде. Наслышан от крестного о том, какие тут иногда бури лютуют. К худшему готовился, поэтому уже весь взмок.

Похлопал по карманам. Нож, зажигалка, спички, огниво, мультитул, запасной нож, куча батончиков, фляжка с живцом, куда ж без нее. Ну вроде никто меня не обокрал, пока спускался.

Еще раз подергав веревку, проверил крепление. На всякий случай, закрепил ее в трех местах. Надел на ноги кошки¹, зацепил карабин и спусковое устройство и заскользил вниз.

Сердце екнуло. Ахренеть! Наконец-то! Просто не верится!

Спускался я не торопясь. Часто приходилось перецеплять карабины и страховочное устройство на местах соединений разных кусков веревки. Руки уже забились. Но это все мелочи по сравнению с тем, что мне наконец удалось вырваться.

Впереди ждет куча новых впечатлений и больше никаких дней сурка!

¹ Специальное приспособление для передвижения по снежно-ледовым склонам.

Глава 2. Экстремальный биатлон

В каждой бочке меда должна быть ложка дегтя, да только у меня все наоборот. Сплошной деготь, в котором меда не сыскать. Стоило снова начать радоваться жизни и расслабить булки, как вляпался в очередное дерьмо.

Поначалу все было нормально. Спускался как мог, криво и неумело, но что поделаешь. Часто останавливался и просто висел. Благо страховочная система позволяла упереть ноги в скалу и передохнуть, или вовсе опустится и зависнуть, запрокинув голову и тихонько покачиваясь.

Когда до земли оставалось метров пять, я уже примерялся, как бы половчее спуститься, чтоб не провалиться по пояс в сугроб. И вдруг услышал хруст снега. Тело сработало само. Не помню, как взлетел вверх по веревке и еще и умудрился поднять за собой свободный конец.

Элитник раздосадованно заурчал и ударил в скалу плечом. Посыпались куски льда. Он попробовал подпрыгнуть, но не достал, ведь я уже висел метрах в пятнадцати над землей.

Видимо, жемчужник издали заметил мой спуск и решил в кои-то веки не грызть застывшее мясо, а отобедать изысканным деликатесом в виде свежей человечинки, да не тут-то было. А я уставший и увлеченный процессом спуска и не заметил, как он подобрался.

Это теперь, раскачиваясь на веревке, в бинокль разглядел цепочку следов, а с высоты, да еще и в снегопад, их не очень-то было видно. Я перевел оптический прибор на мутанта.

Огромная тварь, покрытая густой белой шерстью. Большие расплюснутые лапы, чтоб не проваливаться в снег. Сейчас элитник сидел на заднице и гипнотизировал меня еле видимыми из-под шерсти глазами. Этим он мне почему-то напомнил собак-бобтейлов.

Я перевел взгляд дальше. Там виднелся зажатый меж двух горных хребтов узкий коридор метров сто в ширину с довольно ровным спуском вниз. Чем дальше, тем он был круче. На лыжах скатиться оттуда – милое дело.

– Эй, придурок, ты еще долго будешь меня взглядом сверлить? – спросил я мутанта. – Я от этого спускаться не начну.

Висеть уже устал. С непривычки ныли все мышцы. Страховочная повязка давила. Да и есть хотелось. Стоило только об этом подумать, как в животе заурчало.

Спуск отнял очень много сил, плюс битый час уже вишу здесь. Надо восполнять запасы энергии. Я снял перчатки, демонстративно вытащил из кармана быстрого доступа батончик сникерса, коих запас на дорогу немерено, и принялся жевать.

Элитник заерзал, нетерпеливо урча. Затем снова уселся и начал меня гипнотизировать.

– Что, трупоед несчастный, жрать охота? А вот хрен тебе, образина мохнатая, – сказал я, откупоривая фляжку с живцом.

Расправившись со скромной трапезой, скомкал обертку и бросил вниз. Фантик спикировал прямиком на морду мутанта.

Взбешенная таким хамским поведением тварь рванула к уступу и в очередной раз врезалась в ледяную скалу плечом. В месте ее ударов уже образовалось солидное углубление. Она начала метаться по поляне, раскидывая снег, хрустя спущенными мной сноубордами и лыжами. Вот же истеричка.

– А нехрен было раньше времени из укрытия выныривать. Нетерпение фраера сгубило, – наставительно выдал я.

А у самого голос дрожал и поджилки тряслись. Вот сейчас возьмет и додумается этим хламом в меня зашвырнуть, и всё, пипец котёнку. Прилетит мне от этой мохнатой катапульты один из рюкзаков и размажет мою хрупкую тушку по скале.

Пока мутант метался, я привязал свободный конец веревки к рукоятке ледоруба, спустил вниз импровизированный крюк и подцепил чудом не раздавленный рюкзак. Быстро поднял

его и подвязал репшнуром к вкрученному в скалу ледобуру. Кто знает, сколько еще придется здесь куковать, а так хоть еда будет.

Спустя пару минут зараженный успокоился и снова уселся на задницу, буравя меня взглядом. Слюна стекала у него из уголка рта и тут же замерзала, отчего на шее уже образовалась ледяная корка. И о чем эта тварина думает? Что за мыслишки в его пустой башке ворочаются?

Вдруг зараженный медленно подошел к подножью и начал ощупывать ледяную стену. Мне как-то сразу стало не по себе. Я покрепче схватился за веревку и невольно поднялся на пару метров вверх. Мутант ударил несколько раз кулаком в одно и то же место и просунул длинные когтистые пальцы в образовавшуюся выемку.

Ты что, сучара, выдумал? Повторив процедуру несколько раз, элитник схватился за полученные выступы и начал подниматься на скалу. Вот же сволочь! Оказавшись на высоте, он долбил кулаком лед и снова подтягивался. Медленно, но верно шел к своей цели.

Сердце бешено заколотилось. И что делать? Обратно наверх лезть? У меня сил не хватит. Да и этот урод вон какой целеустремленный, до самой вершины так доползет. А мне и там его встретить нечем.

Мой ледоруб ему даже за зубочистку не сойдет. Если только в качестве палочки для тарталетки, чтоб меня им подцепить. Ну, твою мать! Надо же было ему свою поляну именно в день моего спуска проверить. Думай, Фарт, думай.

Так, стоп! Есть у меня пара козырей в заглазнике. Если их правильно разыграть, можно этого наглеца с горы скинуть. Но вот как выбираться отсюда, все равно неясно.

Жемчужник полз вверх, выдалбливая все новые зацепы для своих конечностей. Устроил тут, блин, скалодром. По пути он дернул веревку, удерживающую рюкзак, и тот грохнулся вниз. Хорошо, что ничего хрупкого там нет. Я поднялся метров на пятьдесят и выжидал. Если облажусь, второго шанса не будет.

Элитник уже подобрался почти в упор. Стоит ему подпрыгнуть, и схватит меня. Да только прыгать ему не с руки. Он хочет наверняка меня сцапать, да так, чтоб еще и не упасть.

Нервы не выдержали, я выдернул из-за пояса ракетницу «СПШ-44²» и выстрелил почти в упор, целясь в пасть твари.

– Вспышка с фронта!

Разумеется, я промахнулся, осветительный снаряд ударил зараженного в глаз, да там и остался, выжигая сетчатку и опаливая шерсть.

Мутант не удержался и полетел вниз. Пару раз ударившись о выступы скалы, он рухнул на спину, глубоко провалившись в снег. Я ринулся следом, спускаясь максимально быстро.

Оказавшись на земле, отцепил все веревки, схватил рюкзак, вытащил из него шлем, нацепил на голову и побежал к ближайшему уцелевшему сноуборду. Дорога шла под горку и у меня были неплохие шансы оторваться. К доске я подбегал на одной ноге, так как пытался на ходу скинуть с ботинок кошки.

Схватив сноуборд, добежал до места, где крутость спуска увеличивается. Уже цепляя крепления, позволил себе обернуться. Падение ошеломило тварь, но не более. Мутант выбрался из сугроба и, не увидев меня на высоте, начал вертеть башкой во все стороны. На его голове расплылось черное опалённое пятно.

Я поддал корпус вперед и заскользил вниз. Сноуборд начал стремительно набирать скорость, и я только успевал слегка подправлять его курс, чтоб не вписаться в какой-нибудь сугроб. Впереди показалась пересекающая дорогу черная полоска. Расстояние и скорость движения не позволяли разглядеть непонятный объект.

² Сигнальный пистолет Шпагина

Безумно хотелось обернуться, но страх потерять управление и упасть останавливал от этого действия. Ведь если упаду, монстр может догнать, и тогда все – кончится моя годовая эпопея.

И все же, когда выдался ровный участок дороги, я позволил себе взглянуть назад. Элитник на четвереньках неся следом. Иногда он проваливался и падал, но настолько ловко перекатывался и снова продолжал преследование, будто так запланировано. Однако было видно, что он слегка прихрамывает.

Сугробы на его пути взрывались снежными облаками. Расстояние между нами увеличилось. Но рано или поздно спуск кончится, и мутант наверстает упущенное.

Наконец черная полоса вдаль обрела четкость, и я выругался. Ветер снес нецензурную брань, так что даже мне не удалось расслышать ни слова. Впереди был стык кластеров. Только соединились они как-то неправильно, и образовалась расщелина метров двадцать в ширину.

Повезло, что ближний ко мне край слегка возвышался над дальним, это давало надежду перелететь через пропасть. Остается вопрос, перепрыгнет ли жемчужник? Этот может. В той жизни точно каким-нибудь коучем был. Вижу цель – иду к ней, и все в таком духе.

До расщелины оставалось метров сто, и я разглядел небольшой мостик. Видимо, Козел соорудил, и ведь не поленился же.

Перед самым взлетом я слегка присел и резко выпрямился, немного задрал сноуборд вверх. Взглянул вниз, и сердце ухнуло. Казалось, время замедлилось. Словно прошла не доля секунды, а целый час, когда наконец доска коснулась снега на той стороне.

Я резко повернул сноуборд и остановился. Плюхнулся на задницу и отцепил крепления. Бросился к мосту, выхватил нож и торопливо начал пилить стропы. Руки не слушались, и оружие выпало. Ножик ударился о ботинок и, отскочив, улетел в пропасть. Ну, твою-то мать!

Я зашарил по карманам в поисках запасного. Не нашел. Какого хрена? Фигурка элитника приближалась. Сам он хорошо сливался со снегом, но вот черное выгоревшее пятно на его шерсти отчетливо выделялось на фоне общей белизны.

Наконец, нашел нож на ремне и допилил последнюю стропу, когда жемчужник уже собирался вставать на мост. Зараженный чуть не улетел вниз, но все же вовремя подался назад.

Он раздраженно заурчал. Прошелся туда-сюда вдоль края и, приметив место поуже, решил взять разгон для прыжка.

– Да что ж ты все никак не уймешься? – обреченно выкрикнул я.

Все, тут либо он долетит, и я труп, либо нет, и будем жить. Пропадь идет вглубь клином метров на сто, постепенно сужаясь. Если он рухнет, то точно не выживет, это тебе не в снег падать. Он, конечно, живучий, но все же должен быть предел.

Озаренный мыслью, я торопливо переснарядил «СПШ-44» и пустил в бок твари красную ракету. Зараженный повалился в снег и, пару раз перекатившись, сбросил с себя заряд. Я еще раз перезарядил сигнальный пистолет, взвел курок и выставил руку вперед. И так прицела нет, еще и руки трясутся, отчего дуло ходуном ходит.

– Ну давай, сучара. Я весь в ожидании.

Словно повинувшись моей команде, элитник взял разбег и сиганул вверх. Я выпустил ракету, тварь инстинктивно увернулась от в общем-то безобидного для нее снаряда и тем самым потеряла немного в инерции полета.

Зараженный грудью ударился о край уступа и, загребая лапами снег, старался за что-нибудь ухватиться, быть может, ему бы даже это удалось, если б зеленый сигнальный огонь не врезался в морду. Хотя вряд ли такая мелочь могла помешать. Урча, наверно, покрывая меня матом на своем языке трупоедов, жемчужник улетел в пропасть.

– То-то же. Есть в Улье справедливость! А то возомнил себя Ленкой Исинбаеваой. – рассмеялся я.

Сердце бешено колотилось. В висках стучало. Сейчас сдохну, сука. Всего трясло, как Каштанку. И тут меня скрутило в приступе тошноты. Нервы, мать их. Ладно, хоть штаны не запачкал.

Тут еще и содержание кислорода больше. С горы километр спустился, плюс сколько по склону проехал.

Я обессилено упал, свернувшись в позу эмбриона, снег забился за шиворот, но это даже хорошо, хоть как-то охладит разгоряченное тело. У меня, наверно, сейчас температура под сорок. Весь покраснел и мокрый от пота.

Я скинул шлем, стянул перчатки и опустил руки, от которых исходил пар, в белый ковер. Снег вокруг них начал быстро таять. Закинул в рот пару горстей. Знаю, что нельзя, обезвоживание будет, ну да у меня недостатка в воде нет. Вдобавок сунул морду в сугроб.

– Фух. Вроде полегчало.

Ну, Кузьмич, памятник бы тебе поставить. Кому расскажи – не поверят. Элиту с ракетницы завалил.

Кузьмич был начальником спасателей. Собственно, почти все, что я знаю о выживании на холоде, перенял у него. Каждую перезагрузку у Кузьмича всегда оставалась ракетница «ОСП 30» или «СПШ-44». Взял обе и целую гору разных боеприпасов к ним. Как знал, что пригодится.

Я свинтил крышку и сделал пару солидных глотков живца. Вот теперь окончательно попустило. Нервный тремор еще присутствовал, но это пустяки. Главное – жив остался.

Подполз к краю и посмотрел вниз. Судя по следам когтей, в полете тварь еще пыталась зацепиться за отвесные склоны пропасти, но безуспешно. В самом низу скорость падения, помноженная на массу и неудачное положение тела, сделала свое дело. Мутант сложился пополам так, что пятки почти касались затылка.

Внезапно прилетевшая мысль кольнула сознание.

– Да нет. Да ну на хрен. – отговаривал я сам себя.

А руки тем временем полезли в рюкзак и уже шарили в поисках запасных кошек.

Я зачистил место – убрал снег и снял верхний слой льда. Установил ледобур³, сделал пару оборотов, взялся за турбинку, закрутил бур до конца и крутанул назад на пол оборота. В ушко вщелкнул карабин. Повторил манипуляции и вкрутил еще два ледобура. Заблокировал карабины петлей и уже к ней подвязал веревку.

Держит бур пятнадцать-двадцать килоньютонов, то есть примерно полторы-две тонны. Человек при срыве развивает нагрузку пятьсот-шестьсот килограмм. Так что, на меня должно хватить. Тем более, падать я не собирался.

На всякий случай прикрыл буры от солнца тряпками из рюкзака. Можно, конечно, присыпать их ледовой крошкой, но вот она тоже пропускает ультрафиолет. Вряд ли успеют подтаять, но я в скалолазании профан, поэтому лучше перестраховюсь. К тому же, кто знает, сколько времени проторчу в расселине.

Вытащил из рюкзака веревку, распустил ее и сбросил вниз. Длины более чем хватило, свободный конец свернулся змейкой. Ее еще потом сматывать. Я тяжело вздохнул, подцепил страховку и начал спуск.

Адреналин до конца не выветрился из крови, поэтому основная часть спуска далась легко. А когда до твари оставалось метров двадцать, и мне удалось разглядеть ее в подробностях, надпочечники впрыснули в организм новую порцию природного допинга.

Умом я понимал, что элитник мертв, но вот тело упорно отказывалось приближаться к трупу. Жути нагонял дергающийся глаз твари. Я завис прямо над мутантом. Тут можно было

³ *Ледобур* – устройство для организации страховки на ледовом склоне в альпинизме и ледолазании.

не бояться упасть, высота до дна метра два всего. Но расслабляться все же не стал. Мало ли, нога соскользнёт, подверну, сломаю или застряну.

Я спустился еще немного, так, чтоб руки оказались на уровне шеи твари. Просунул ледоруб в щель между ногами и головой. Места для замаха почти не было, поэтому пришлось битый час стучать рукоятью ножа по обуху ледоруба, пока, наконец, под острым концом не раздался хруст и лезвие не ушло вглубь.

Я надавил, раскрывая споровый мешок, и запустил руку в его потроха. Раскатав содержимое на перчатке, не смог удержаться от улыбки. Есть справедливость в Улье. Есть она!

Глава 3. Робинзон снежной равнины

На перчатке лежало три десятка споранов, пятнадцать горошин, янтарь, три непонятных оранжевых штуковины, похожих на большие таблетки в капсулах. И, барабанная дробь – маленькая черная жемчужина!

Я без раздумий закинул в рот антрацитовый шарик и проглотил. В желудке сразу потеплело, а согревающее пламя разошлось по всему организму. На лбу даже испарина выступила. Надо запомнить. В холодные деньки буду жемчужинами греться, дрова сэкономлю.

Может, хоть теперь дар прорежется. А то как был бездарь, так и остался, хотя уже год в этом мире провел. С моим крестным все понятно, надо ему было с горы свалить, вот неведомый механизм Улья ему умение под ситуацию и подкинул.

А со мной все трудно. Козел говорил, нужно сильный стресс пережить. Пробовал я еще в родном кластере специально себя в такие ситуации загонять. И от элитника убегал, опять же не самый радужный момент в моей жизни. Да вот только не сработало. Тут без ста гра... в смысле, без знахаря не разобраться будет. Короче, бракованный из меня иммунный вышел.

Ладно, отдохнул и хватит, пора сваливать. Я посмотрел на жемчужника и уже собирался лезть наверх, как вдруг в голову пришла интересная мысль. А что если...

Я поднялся повыше, перехватил покрепче ледоруб и врезал по отвесному склону. Ударял раз за разом, закрывая глаза от летящего во все стороны ледяного крошева.

Спустя час выставил ноги перед собой и спиной уперся в ледяную стену. Посидел так, зажевал еще один сникерс, попил живца и полез наверх. Уже сидя над обрывом и свесив ноги вниз, любовался плодом трудов своих. На противоположной стене обрыва, чуть выше тела элитника была выдолблена надпись: «Памятник Кузьмичу».

Вот и пусть неведомо как забредшие сюда путники гадают, кто такой этот Кузьмич и что такого сделал, раз ради него так постарались, или, быть может, элитник когда-то был Кузьмичом.

Глупо? Может быть. Нормальному человеку в голову такая мысль не придет, но я в нормальные никогда и не рвался. Нормальный для меня синоним стандартному. А среди таких мне душно и скучно.

Как говорил Козел: «В Улья ты либо отмороженный на всю голову, либо замерзший насмерть».

Я передвинул ледобуры метров на пятьдесят и снова начал спускаться. Остановился примерно на середине, где и заметил небольшую трещину во льду. Сунул в нее пакет с половиной всего добра, что у меня имеется. Закрыв щель снегом и немного смочил водой. Время подточит, и не видно будет, что здесь вообще что-то есть.

Мало, что в жизни приключится. Береженого Улей бережет, так тут, наверное, говорится. Пусть лежит на черный день, с собой у меня еще достаточно остается. На первое время точно хватит.

Я поднялся, подтянул веревку и оценивающе посмотрел на нее. Дальше с собой тащить резона нет. Спусков не предвидится. Но не бросать же вот так. Скрутив, прикопал в сугробе. Глядишь, пригодится еще, если когда-нибудь вернусь.

Остальной запас потрохов убрал в плотный пакет на пластиковом замке и положил во внутренний карман курки. А три неизвестных оранжевых таблетки спрятал в нашитый карман в трусах к неприкосновенному запасу споранов и гороха. Еще небольшую часть спрятал в одном из патронов к ракетнице.

Посмотрел в бинокль. Дорога все больше расширялась, а опекавшие ее с обеих сторон хребты все явственнее уменьшались в высоту. Еще с километр проехать можно, а дальше только пешкодрапом.

Надел рюкзак, проверил готовность снаряжения, прыгнул на доску и заскользил. На дороге начали попадаться крохотные елочки или сосенки, их на скорости не разберешь. Я ловко маневрировал среди деревьев. Борд послушно выполнял все маневры, хотя райдер из меня так себе.

Снег то казался плотным, словно трасу обрабатывали ратраком⁴, то сменялся пухляком. После сегодняшних приключений этот спуск был тем, что доктор прописал. В дороге успел успокоить нервы и привести мысли в порядок.

Постепенно сноуборд начал терять скорость, хребты по бокам превратились в вытянувшиеся холмы, а впереди показалась сплошная белая равнина. Бескрайняя пустошь.

Иногда эта вечная белизна начинала меня вымораживать, но не сейчас. Я любил природу и в данный момент самым искренним образом любовался её красотой. В чрезвычайных обстоятельствах учишься радоваться даже таким мелочам.

Я погасил скорость и остановился. Сразу налетел ветер, больше ничего не мешало ему кидать мне снег в лицо. С расчетами явно ошибся, спускался вниз не меньше трех километров.

Так, и что теперь? Цитадель находится на юго-востоке. Да вот только как далеко, неизвестно. Проскочить мимо нее на километр или на двадцать могу спокойно.

Спрыгнув с доски, сбросил рюкзак и отцепил от него снегоступы. Сноуборд воткнул в наст. Спасибо за службу, но дальше нам с тобой не по пути. Нацепил снегоступы. Пошагал на месте. Нормально. Окинул в бинокль округу и, заметив вдали серое пятнышко на горизонте, зашагал туда.

Чтоб ходить в снегоступах, нужна привычка. Я понял это буквально через полчаса. Но выбора у меня нет, так что пришлось идти дальше. По пути ни разу не попало хоть чьих-нибудь следов, хотя я постоянно осматривал округу в бинокль. Ощущение складывалось, что впереди мираж, так как неизвестный объект упорно отказывался приближаться.

И только когда я уже окончательно выдохся, а солнце начало садиться, непонятный силуэт начал наконец обретать очертания. Мираж впереди оказался вовсе не миражом, а странной деревней с двумя перпендикулярными улочками домов в пятьдесят. Двухэтажные строения из бруса, а то и просто из досок откровенно не вписывались в такие погодные условия.

Не доходя сотню метров, я лег, сбросил рюкзак и снегоступы. Оставил только ракетницу с ледорубом и пополз. Мало ли, кто или что может там укрываться. Но чем ближе я подползал, тем больше сомневался, что в поселке мне угрожает опасность.

Следов никаких не было. У ветхих домишек такой жалкий вид, что будь я даже самым печальным пустышом, страдающим хронической дистрофией и находящимся на последнем издыхании, постеснялся бы заглянуть туда в поисках пищи.

Я вышел на главную дорогу деревни. Жавшиеся к друг другу дома худо-бедно защищали ее от снега, и идти тут было проще. Заглянул в первую лачугу слева. Дверь не заперта. Крыша провалилась, и через пол второго этажа видно звезды. В прихожей на этом месте лежала куча снега.

По дряхлой скрипучей лестнице поднялся на второй этаж, но и там не оказалось ничего интересного. Я вернулся за снаряжением, а затем поочередно начал проверять остальные дома. Повсюду сломанные стены и следы копоты. В некоторых жилищах стояли бочки, в которых жгли поломанную мебель.

Я рылся в шкафах, а иногда рисковал заглянуть и в холодильник. Наконец, когда наткнулся на полузамерзшего, полумумифицированного человека, все стало на свои места. Труп был одет в шорты и цветную рубашку. Сверху завернут в несколько покрывал, но все

⁴ *Ратра́к* – специальное транспортное средство на гусеничном ходу, используемое для подготовки горнолыжных склонов и лыжных трасс.

равно замерз насмерть. Этот кластер прилетел из летнего климата. Люди оказались попросту не готовы к такому повороту событий.

К сожалению, никакого оружия или других хоть сколько-нибудь полезных вещей найти тут не удалось, не считая пары бутылок водки и тушенки 1998 года выпуска. Я, конечно, фартовый парень, но не настолько, чтоб это попробовать.

Выбрал самый целый дом в центре деревни. Разводить огонь не рискнул, чтоб не провонять дымом, но вот соорудить спиртовку из найденных алкогольных запасов никто не мешал. Разогрел тушенку и зарубал в прикуску с сухарями. Придавил это все горячим чаем со сникерсом и довольный жизнью отправился на лежбище.

Я снял ботинки, вынул вкладыши и оставил сушиться. Устлав диван парочкой одеял, заранее расстелил спальник, чтоб он успел расправиться, залез в него и накрылся еще одним одеялом. Вот теперь точно не замёрзну.

Хотел было подумать о чем-то высоком. О месте человека в этом мире. О жестоких правилах Улья и его безумных создателях. О смысле моего существования, моей борьбы. Но какая к черту философия, если ты умаялся как собака. Я отключился раньше, чем голова коснулась подушки.

* * *

Утро добрым не бывает. Да хрена лысого. Еще как бывает. Проснуться на новом месте – это просто прекрасно. И пусть это местечко тот еще клоповник, из которого даже крысы от безнадёги сбежали. Зато за окном совсем другой пейзаж. Никаких осточертевших альпийских домиков.

Надеюсь, в той самой Цитадели, к которой я направляюсь, их нет. А то придется все выкупить и сжечь. Можно и без выкупа обойтись, но тогда меня местное начальство по головке не погладит.

Я скинул с себя одеяла и расстегнул спальник. Пусть пока посушится. Оделся и быстро перекусил.

– Да-а-а-а – протянул я, выходя на улицу, – день обещает быть насыщенным.

Стоял бодрящий мороз не меньше минус двадцати. Я поежился и застегнул ворот куртки. Снегоступы с хрустом вдавили снег. С наслаждением потянул носом воздух. Хорошо-то как!

Небо заволокли серые тучи. Неизвестно, где точно прячется солнце. Ну и ладно. Я примерно помню, где оно должно быть. Да и по боку. У меня точных координат нет, так что плюс минус лапоть. Просто пойду на юг к выходу из деревни.

Я поравнялся с последним домом, когда кто-то схватил меня за ногу. От неожиданности крик вырвался сам собой. Я потерял равновесие и свалился мордой в снег. Тут же перевернулся, наставив на неведомого противника ракетницу.

Но никого не было. На ноге болталась оторванная по локоть рука. Рядом из снега выглядывала культия и плечо хозяина хваткой приспособы. Угроздило же зацепиться. Я сплюнул, поднялся и пошел дальше.

Первые следы попались ближе к обеду. А вмерзшие в этот мир поселения только к вечеру. Издали смотрелись они жутковато. Заходить в них я не стал из-за обилия следов. Теперь двигаться приходилось аккуратнее. Неоднократно мимо пробежали покрытые густой белой шерстью трупеды.

Стало откровенно страшно, и приходилось падать в снег при каждом почудившемся движении. Если заметят, схарчат за милую душу. В чистом поле бежать некуда. Ледоруб из рук не выпускал, даже кисть в петлю продел. Иногда удавалось пристроиться в протоптанную какой-нибудь крупной тварью тропу, тогда двигаться было легче. Да и не так опасался, что могут выследить.

Когда началась снежная буря, поначалу я даже обрадовался. Старые следы сметет. Можно не бояться преследования. Но когда усилился ветер, пожалел, что не заглянул в какой-нибудь городок. Нужно было заранее подыскать место для ночевки. А пока просто надел варежки и опустил забрало шлема.

Вьюга завывала так, что я не слышал собственных шагов. Впереди не разобрать не зги. Сплошная пелена снега. Даже кисть собственную не разгляжу, если руку вытяну. Поэтому когда я уткнулся во что-то мягкое и мохнатое, то даже как-то испугаться не успел. Интуитивно ожидал чего-то подобного. Не задумываясь, ткнул ледорубом, куда придется, отскочил в сторону и упал, мгновенно потеряв противника из виду.

Неведомая тварь не ожидала такого поворота событий. Уж не знаю, в какую сторону она убежала, но на меня никто не напал. Спасибо вьюге. Встать я все-таки не решился и так и пополз, не пойми куда.

Наконец, решил подняться, ну, как подняться. Просто когда переставил локоть в следующий раз, под ним оказалась пустота. Снег подо мной обвалился. Я кубарем куда-то полетел, а уж потом поднялся. Когда очнулся.

Не знаю, сколько времени прошло, но буря не прекратилась. Меня успело прилично занести. Рук и ног не чувствовал. Зубы стучали. Я неловко заворочался, силясь скинуть с себя снег. Удалось далеко не сразу.

Сейчас бы живца хлебнуть, но нечего и думать пытаться свинтить крышку негнушимися пальцами. Да и зубами не получится. Прилипну. А запасная пластиковая бутылка в рюкзаке. Ее тоже вытащить не удастся.

С горем пополам перевел себя в вертикальное положение. Справа была насыпь. Взобраться на нее не получится. Пошел вперед, увязая по пояс в снегу. Далеко не сразу удалось встать так, чтоб снегоступы не проваливались.

Один раз запнулся и чуть не разбил морду о рыбацкий бур. Другой раз провалился ногой под лед, ладно хоть ботинки не подвели, воды не успел начерпать. Сомневаюсь, что здесь рыбачат, а значит, кластер из свежих. Нужно быть аккуратней. Еще больше убедился в этой мысли, когда нашел занесенное снегом кострище и обглоданные замерзшие кости.

Сил оставалось все меньше. И когда я в очередной раз упал, то уже не смог подняться. Вдруг до меня дошло, что лежу вовсе не на снегу, а на чем-то твердом. Порыв ветра слегка стих и мне удалось разглядеть, что это мостки для рыбаков.

Значит, где-то должны быть рыбацкие домики. Я собрал остатки воли в кулак, сбросил ненавистный рюкзак и пополз. И уже метров через тридцать наткнулся на искомое. Вид занесенного снегом укрытия придал мне сил.

Я встал и подошел к двери. Ногой откидал снег от порога, с трудом открыл створку так, чтоб протиснуться внутрь. В дом не вошел, а ввалился, с грохотом рухнув на пол. А каких усилий стоило дотянуться ледорубом до дверной ручки и прикрыть ее, чтоб снег не заносило внутрь!

Жив! Сейчас главное не уснуть, а то больше не проснусь. Я со всей силы стучал кулаком об пол, чтоб хоть немного согреть руки. Спустя несколько минут удалось вернуть над ними контроль. В честь этого свинтил крышку с фляжки и, отсалютовав фортуне в пустоту, осушил остатки содержимого. Сразу потеплело.

Я принялся ворочаться, не давая телу окончательно заоченеть. Очень скоро получилось сесть, а затем и встать. Тогда полностью захлопнул дверь. После чего включил фонарь и сразу бросился к стоящей в углу крохотной рыбацкой буржуйке.

Дров не было. Пришлось ломать единственный табурет. Кое-как настрогал ножом щепок. Сгрел со стола все газеты и сканворды, что там валялись, запихал в печурку, выудил из внутреннего кармана охотничьи спички и поджег.

Сейчас меня совершенно не волновало, что пропахну дымом или что зараженные могут издали учуять запах гари. В такую бурю они должны все попрытаться. Не совсем ведь тупые.

Я снял варежки и подставил руки под жадно поедающее газеты пламя. Занемевшие пальцы начало жечь. Посидел, погрелся. Нужно принести рюкзак, пока его совсем не замело, а то не найду потом, но отходить от огня совершенно не хотелось. Казалось, стоит выйти за порог, как печка тут же потухнет.

Все же удалось перебороть себя и я нехотя поплелся к выходу. У двери замер. Выходить было страшно, а вдруг не вернусь. Отогнав дурные мысли, выскочил на улицу и захлопнул дверь.

Мой старый след уже полностью занесло. Поэтому двигался чисто интуитивно. Расстояние плевое, но пришлось побродить, пока не запнулся о рюкзак. Обратно вернулся гораздо быстрее. Не терпелось поскорее заварить горячего чаю и лечь спать.

В сгустившемся сумраке я не заметил притаившуюся у самого крыльца фигуру. Из сплошной белой пелены ко мне шагнуло белесое нечто. Он почти сливался с окружающей обстановкой, выдавали его лишь два черных пятна глаз.

Зараженный стремительно прыгнул на меня. Налетевший порыв ветра сбил полет твари. Ледоруб тут же оказался в руке, и я ударил сверху вниз. Инструмент завяз острым концом. Ощущение такое, словно воткнул его в резину.

Мутант сбил меня с ног. Его зубы соскользнули с гладкой поверхности шлема. Ракетница как-то сама скользнула в руку. Я направил ствол в раскрытую пасть и нажал на спуск.

Мутант заурчал так, что его голос прорвался сквозь вой вьюги. Он спрыгнул с меня, выплевывая горячую начинку. Я мигом вскочил и нанес еще один удар ледорубом. Инструмент снова завяз, на этот раз намертво. Мутант резко выпрямился, разворачиваясь в мою сторону, и петля вывернула запястье, прежде чем соскользнула с руки.

Тварь взмахнула лапой. Врезала так, что меня отбросило в стену дома. Спас только шлем. Если б не он, быть мне безголовым. Стекло покрылось паутиной трещин. Я судорожно пытался здоровой рукой вставить новый заряд в ракетницу. Одним прыжком мутант преодолел разделявшее нас расстояние.

И тут раздался выстрел. Вьюга снесла пороховой выхлоп, идохлый зараженный завалился у моих ног. Из тени шагнул улыбающийся старик в белом полушубке и шапке-ушанке.

Выстрелил он дуплетом точно в спорный мешок твари.

Опираясь на стену, я поднялся. Незнакомец как-то уж чересчур ехидно смотрел на меня. Мне не понравился этот взгляд. Старик наставил на меня ружье и подчеркнуто спокойно сказал:

– Не дергайся, парень.

Ну я и не дергался, просто и без суеты выстрелил. Не знаю почему, что-то щелкнуло в голове. Не понравился мне его взгляд, и все тут.

Старик непринужденным движением корпуса увернулся от осветительного заряда, сделал выпад вперед и легонько ткнул меня прикладом в живот. Этого хватило, чтоб измотанный организм дал команду «отбой».

Глава 4. Старик

Пришел в себя от того, что стало невыносимо жарко и я весь взмок. Пошевелился и сразу понял, лучше б этого не делал. Меня конкретно подташнивало. Болело вообще все от макушки до пят. Попробовал открыть глаза. Получилось.

Я сидел, опираясь на стену, все в том же рыбацком домике. Судя по звуку, на улице еще лютовала непогода. Повернул голову налево. Возле печки навалены обломки каких-то досок. Сама буржуйка открыта и работает не только за обогреватель, но еще и за светильник. Поленья потрескивали. Огонь отражался от гладкой поверхности покрытого сеточкой трещин шлема.

Напротив вспыхнули два огонька. Это мой недавний спаситель открыл глаза. Был он одет в засаленные белые пуховые штаны и серую толстую вязаную кофту с воротом. На голове все та же шапка-ушанка. Только теперь уши переведены в верхнее положение.

Крестный говорил, Улей всех молодит, да вот только незнакомца это, похоже, не коснулось. На загорелом лице залегли глубокие морщины, седые усы и такая же недельная борода. В глазах засели веселые чертики. И все же, на новичка не тянет.

Я оглядел себя. Не связан. Уже хорошо. Перевел взгляд на старика. Ружье лежит на полубке за спиной. Другого оружия не видно. Он настолько крут или настолько глуп?

– Очнулся, – сказал незнакомец. Не спросил, как любят делать многие в таких случаях, а именно констатировал. – Как самочувствие?

– Лучше не спрашивай, – просипел я. – Есть жи...

Старик не дал мне договорить и кинул в руки пластиковую бутылку с живчиком. Я жадно присосался к горлышку, обратив внимание на то, что правое запястье разбухло, кончики пальцев на руках сине-фиолетовые, а на мизинцах вовсе черные. Отморозил и нехило.

– Спасибо, – оторвавшись, выдохнул я.

Убивать меня пока не собирались.

– Да не за что. Ты зачем в меня пальнул? – спросил дед, хитро поглядывая.

– А черт его знает, – признался я. – В превентивных целях. Я твое личное дело не читал. Вдруг ты двоечник, а мне мама с плохими ребята общаться не разрешает.

– Понятно, – кивнул старик. – Обычное дело в таких случаях.

Я повернул голову направо, так как только сейчас заметил стоящий в углу рюкзак.

– Ты б так башкой не вертел, – посоветовал незнакомец. – У тебя смещение шейных позвонков было, плюс сотрясение, вывихнутая кисть, переохлаждение и обморожение.

– А ты, значит, добрый доктор, спас меня.

– Вроде того, – сказал старик.

– Ну, спасибо. А с чего вдруг такой альтруизм? Взять с меня нечего, сам видел. – Я кивнул на рюкзак.

– Просто нужно Улей задобрить. Он это любит, вот я и делаю, что требуется.

– Делай, что должно, и будь, что будет, – усмехнулся я. – Тебя как звать-то?

Мужик на секунду задумался.

– Зови меня Старый.

– Оригинально.

– Ну уж как есть, – пожал он плечами.

– А я – Фарт.

– Про эту хижину точно никто не знает. Как тебя в эти края занесло? – улыбка сошла с его лица.

– Случайно. В бурю попал, вот и забрел сюда.

– Никого не встречал по дороге? – прищурившись, спросил старик.

– Нет.

– А видел что-нибудь?

– Типа костей обглоданных?

– Воде того, – снова кивнул Старый. – Покажешь завтра с утра?

– Если погода позволит.

– Куда она денется? К утру уляжется. Голодный небось? На вот, я тебе оставил, – снова заулыбался старик.

Он выудил из под полушубка старый тряпичный рюкзак и достал оттуда завернутое в кулек сушеное мясо. Я с радостью принял угощение и начал разжевывать тягучие полоски.

В это время Старый уже заварил чай, отхлебнул и протянул мне кружку. Я сделал глоток и посмотрел на собеседника. Тот улыбался, ожидая моей реакции.

– Ну как?

– Самое то.

Чифир был знатный. Еще с какими-то травами и чутком сахара.

– Откуда, говоришь, идешь? – спросил вдруг старик.

– С родного кластера. В какую-то Цитадель, – предвосхитил я следующий вопрос.

– Да ты свежак!

– Не совсем, – не стал я вдаваться в подробности.

– А то я смотрю, мутный ты какой-то. Вроде свежак, но прикинут как не все старожилы себе могут позволить. Я-то все больше по старинке, – он похлопал рукой по штанам, словно они и были олицетворением этой старины.

– Да крестный тот еще козел был, но основы объяснить успел, а потом бросил умирать.

– Это бывает. Ты спрашивай, если что интересно.

– Откуда ты такой добрый самаритянин взялся?

– Считаю, меня Улей послал, чтоб я его задобрил, – расплылся в улыбке дед.

– А как тебя в эти края занесло? Я так понял, это та еще глушь, сюда по своей воле никто не забредает, – забросил я удочку.

– Много ты понимаешь, – усмехнулся старик. – Улей везде не плох и не хорош одновременно. И заносит нас иногда в самые разные места.

Ага, ну не хочешь говорить, и не надо, подумал я, а вслух спросил о том, что волновало меня больше всего:

– Далеко до этой самой Цитадели?

– Это смотря еще как идти. Но в любом случае, прилично.

– А что там за народ вообще обитает? А то я тут только тебя да крестного видел, но не верю всему, что он говорил. Ну трупоедов еще встречал, а их не спросишь. Так что, сам понимаешь, этого мало, чтоб выводы сделать.

– Разный тут народ. Сам видишь, в каких условиях живем. Некоторые настолько замерзли изнутри, что не боятся попасть в Ад, ведь надеются там хоть чуточку согреться.

– Не слишком ли пафосно, дедуль?

– Что, перебор, да? – рассмеялся старик.

– Однозначно перебор, – улыбнулся я в ответ. – А как там обстановка вообще?

– Да как тебе сказать, – пожал плечами дед. – Сложно там все. Слишком мало места, слишком много людей, и у всех свои интересы. А с другой стороны, главное вовремя задобрить Улей. Если живешь по его законам, где угодно хорошо устроишься.

В ответ я лишь хмыкнул, не желая развивать мировоззренческую тему.

– А часто у вас здесь такая свистопляска бывает? – я покрутил пальцем в воздухе.

– Частенько. Тут от графика перезагрузки кластеров много чего зависит. В этом месте, например, небольшой рассинхрон случился. Поэтому буря началась из-за разницы температур.

Я еще позадавал старику несколько вопросов, дабы выяснить, что из слов крестного правда. На удивление оказалось, что Козел был со мной честен. Зачем скрывать что-то от мертвеца? Под конец разговора усталость все же возобладала над любопытством, и мы легли спать.

Дед был со странностями, но, может, я и сам со стороны такой же. Не убил, и то ладно, хотя повод у него имелся. Помог – еще лучше. Информацией поделился – просто замечательно.

Так что, пусть хоть молится в углу на коленках, лишь бы дальше помогал. Кто знает, сколько лет он тут уже живет, и какие у меня самого загоны после такого появятся. Не суди, да не судим будешь, как говорится. С этими мыслями и погрузился в сон.

Я проснулся, когда старик закидывал в буржуйку снег. Сознание отказывалось цепляться за реальность, поэтому уснул еще раз. Следующее пробуждение случилось по причине моего замерзания. Сторожка рыбаков не отличалась особыми теплоизолирующими свойствами. Так что, после того как печка потухла, нечего было мечтать о тепле.

Хочешь не хочешь, пришлось вставать. Старик уже собирался гонять чай. Я вышел на улицу и умылся снегом, стараясь не смотреть в сторону припорошенного снегом трупa зараженного. Шея еще болела, под ногтями оставались следы омертвевшей плоти, но в остальном полный порядок.

Зашел обратно. Подкинул к догорающей таблетке сухого горючего еще парочку и поставил греться тушенку.

– Может, по писярику? – спросил дедок, доставая из рюкзака бутылку коньяка.

– Я, пожалуй, откажусь.

– Ну, как знаешь, – сказал он, налил в железную кружку коньяк и выпил, по старинке занюхав рукавом.

– Тебе для образа больше бы самогон подошел. Чтоб обязательно мутный. В такой большой корявой бутылке с деревянной пробкой.

Старый рассмеялся.

– А хотя знаешь, давай, – решил вдруг я, вспомнив, что живца осталась только одна емкость.

Перелил из пластиковой тары во фляжку и начал делать новый. Залил споран коньяком. Покрошил в бутылку горького шоколада, пару ложек с горкой натурального молотого кофе, плеснул немного кипятка и перемешал. Процедил алкоголь через бинт, залил в бутылку и разбавил водой. Закрыл крышкой, взболтал и убрал в рюкзак. Отлично, пусть настаивается.

– Хороший выходит?

– Нормальный, если особо не приноживаться. А за счет кофеина еще и тонизирующий.

Почти весь завтрак прошел в тишине, и только под конец старик заговорил.

– Найдешь то место?

– Постараюсь, – не стал ничего обещать я. – Вчера паста в ручке замерзла, так что пометки на карте сделать не удалось.

Старый лишь улыбнулся в ответ.

Дед оделся, закинул на спину рюкзак, на котором был закреплен простенький топорик с деревянной рукоятью, повесил двустволку на плечо и вышел на улицу. Я похлопал себя по карманам, проверяя, вся ли нужная мелочевка в быстром доступе. Повесил на шею лыжные очки, подобрал рюкзак, с сожалением глянув на разбитый шлем, тяжело вздохнул и вышел.

На улице обнаружил, что дед обут в деревянные снегоступы, чем, конечно удивил.

– Еще и самодельные, наверно? – спросил я, тыча пальцем.

– Самые дельные, – подтвердил старик. – Но не моя работа, не выходят они у меня почему-то. Вот лыжи сносные могу сделать, а тут не получается. Эти у одного якута заказал.

– А чего современные не возьмешь? – задал я резонный вопрос. – Они крепче и легче.

– Так-то оно так, – не стал спорить старик. – Да только вот много ты дров получишь из своего пластика с железом? А я, если в какую передрыгу попаду и окопаюсь, например,

в сугробе, смогу их на щепочки лущить и нормальную температуру поддерживать. По этому принципу многие по старинке с деревом ходят. Пошли, что ли, потихоньку.

Я кивнул и махнул рукой, указав примерное направление. Погодка стояла теплая. Так часто бывает после бури. Солнце отражалось от снега и било по глазам, заставляя шуриться. Тишина, благодать. Смотришь на все это великолепие, и даже не верится, что в одну секунду природа может снова взбунтоваться и навсегда спрятать тебя в объятьях снега.

Я поднял торчавший в отпечатке ботинка споран, переступил через закоченевший труп зараженного и пошел вслед за стариком.

– А это кто был? – спросил я, указывая большим пальцем за спину.

– Это уже горошник. Мы их йети зовем.

– Ну да, похож, согласился я. Было что-нибудь?

– Да я и не искал. Тут иной раз патрон найти не можешь, если в снег упал, куда там горошину.

– А калибр не маловат для этих мест? – спросил я.

– Мне хватает. И человека отпугнуть можно, и тварюгу какую помельче. А против самых крупных набор гранатомётов таскать мне резону нет.

– Тоже верно.

Мы дошли до проруби, в которую вчера чуть не провалился. Ее так до конца и не занесло снегом. Значит, где-то проскочили мимо. Пришлось делать крюк и возвращаться назад. Вот так сектор за сектором зигзагами ходили туда-сюда, пока не наткнулись на искомое.

Старик разрыл топориком костровище, а за ним и останки человека. Порылся в заледе-
нелых обрывках одежды. Я же молча наблюдал за всем этим со стороны.

– Нашел, что искал? – спросил я, когда он закончил.

– Нет. Улей миловал. Это, похоже, рыбак залетный был.

– Что теперь?

– Теперь, – задумчиво протянул старик, разлаживая бороду. – Слушай, Фарт. Я вчера покумекал и вот чего предлагаю. Я тут встретиться должен был с человеком, но, видимо, ему буря помешала вовремя дойти. А напарник нужен. Пошли со мной до одного места. Поможешь мне – надо еще кое-кого спасти, чтоб задобрить Улей. Потом вместе какое-то время пройдем. Почти до самой Цитадели доведу. А там наши пути разойдутся.

Дедок, конечно, был странный. Но у него есть то, чего нет у меня. Знания и опыт. Он мой шанс добраться до Цитадели. А уж как там обустроиться, разберусь. Имеется уже на этот счет пара мыслишек. Да и стартовым капиталом я не обделён.

– Я согласен. Чего делать-то надо?

– Ничего сложного, просто подсобишь, если что-то пойдет не так.

А когда что-то шло так, подумал я, но вслух сказал:

– Веди.

Мы шли уже несколько часов, легкий ветерок то начинался, то снова затихал. Направление держали в основном на юго-запад. Периодически старик подправлял курс, чтоб мы двигались с подветренной стороны. В сплошной белой пустыне появились вкрапления карликовых деревьев, а потом и вовсе пролески.

– Это что за выкрутасы? – резко остановился я.

Снег подо мной приминался, но уже метров десять как следов сзади не оставалось. Они исчезали, как только я убирал ногу. Неужто у меня дар прорезался?

– Маскируюсь иногда, – обломал меня старик. – Называется это умение лисий хвост. Еще метелкой, бывает, зовут, гравишлёр или анорексик. Да как только не кличут.

Теперь понятно, почему он так спокойно себя чувствует на этих снежных равнинах.

– Другие рейдеры иной раз такие петли крутят, чтоб тварь со следа сбить, особенно если группой идут. Там целый лабиринт получается. Матерые мутанты иногда распутать могут, а

вот от не очень развитых такой метод частенько спасает. Им усидчивости не хватает, чтоб в хитросплетениях разобраться. След-то свежий, едой пахнет. А тут тебя думать заставляют.

- Понятно, – с явно прорезавшейся досадой в голосе сказал я.
- Что, не повезло с даром? – улыбнулся старик.
- Не то слово.
- Это бывает. А ты служил? – просил вдруг он.
- Так точно, – ответил я.
- Воевал?
- А это уже с какой стороны посмотреть, – не стал я вдаваться в детали.

Не хотелось вспоминать, как за сутки обычная часть оказалась вдруг в окружении. Как на прорыв пошел дивизион, а по лесу к своей границе добирались четверо бойцов. Как тащил раненых, и как волокли потом меня самого. Нахер! Забыл и выбросил, как будто и не было ничего. Мне и тут дерьма хватает.

Как ни странно, воспоминания тех дней, не смотря на то, что сами по себе были менее ужасны, чем то, что происходило со мной здесь, гораздо сильнее давили на мою психику. Может, потому, что она тогда была более уязвима. Это сейчас я немного заматерел, если не сказать, съехал с катушек.

В груди нехорошо так защемило, и я поторопился отвлечься.

- Ты к чему это вообще спросил? Пострелять придется?
- Надеюсь, что нет. Если что, с моим ружьем справишься?
- Управлюсь, никаких проблем.
- Хорошо, – кивнул старик.

Задолбали эти загадки. Нет, чтоб конкретно ситуацию обрисовать. Чтоб я список задач прикинуть мог. Как-то бы подготовился морально. Действовать вслепую себе дороже потом выйдет.

Впереди показался небольшой лесок.

- Давай вот здесь на хутор завернем. Может, получится тебе оружием разжиться.
- Хорошо бы, – мечтательно вздохнул я.

Без оружия совсем беззащитным себя чувствую.

Глава 5. Хутор

Мы направились в лес. Идти здесь было труднее. Иногда под ноги попадались скрытые под сугробами корневища, пеньки или стволы сосен. Один раз из-за этого я чуть снегоступы не сломал. У самой кромки леса Старый меня остановил.

Я смотрел в бинокль на небольшой хуторок из нескольких домов. Он представлял собой обнесенный сплошным забором участок. Следов, ведущих к воротам с нашей стороны, не было, хотя внутри явно кто-то бродил.

– Следы вижу, – сказал я. – Вроде как человеческие.

– Это хорошо, – сказал дед, вытащив из-за пояса топорик, скинул рюкзак, снял снегоступы и зацепил их к поясу на спине. – Хоть это и не показатель, – улыбнулся он. – Пойдем потихоньку, – с этими словами старик лег и пополз, не оставляя следов.

Я лишь усмехнулся, последовав его примеру, скинул баул и двинулся за ним. Оглянувшись. Как и ожидалось, снег был не примят.

Спустя полчаса доползли до самых ворот. Старый потянул створку. Она со скрипом дернулась, но оказалась заперта. Дед жестами показал, что подсадит меня. Я кивнул и отцепил снегоступы с пояса.

Старик сложил руки ступенькой, я закинул ногу и, потянувшись, зацепился ледорубом за край забора. Подтянулся и заглянул внутрь. Следов было много, но все старые, уже изрядно припорошенные снегом. Я перелез на ту сторону и принял у старика ружье. Хотел ему помочь, но попутчик и сам справился.

Вдруг вспомнилось, как он легко увернулся от моего выстрела, его расслабленные, но в то же время молниеносные движения. Забываешь напрочь о таких вещах, когда смотришь на этого дедка в шапке-ушанке. Ох, не прост старик.

Во дворе у дальней стены забора стояла пара бело-серых охотничьих нив с высокой посадкой и прицепами. В окне одной из них торчал ружейный чехол. Рядом пристроились четыре снегохода. Слева была большая изба и сарай с поленницей. Справа баня, явно с предбанником.

Старик снова распластался и пополз к дому. Я пригнулся и, морщась от похрустывавшего подо мной снега, последовал его примеру, только направился к бане. Дед убрал ружье за спину, все равно с таким длинным стволом в доме неудобно. Ему бы для таких случаев еще обрез заиметь.

Ступенька крыльца скрипнула под ногами попутчика. Старый распахнул дверь и на него вывалился зараженный. Дед выматерился, но не растерялся и сходу рубанул бывшего охотника по голове. Тут же дверь в баню распахнулась, и оттуда полезли новые трупоеды.

Обычные синяки, как их тут называют. Медлительные и бестолковые, кожа синяя, иногда фиолетовая, а то и вовсе черная. Я долго не думал и всадил ледоруб в башку ближайшей девицы.

Она сразу обмякла и завалилась. Следующая за ней тварь запнулась о тело и упала мне под ноги, удачно подставив затылок. Резкий удар. Хруст черепа. И вот я уже отскочил от следующей зараженной.

Краем глаза заметил, как сугробы во дворе осыпаются, и оттуда лезут все новые синяки. Услышал слева звон стекла – это крошились окна нив, наружу вырвались еще несколько тварей. Тенты в кузовах вздымались, из-под них на снег вывалилась толпа трупоедов.

Вот встряли, так встряли. Какого черта?! Почему зараженные никак себя не обозначали? Что за чертовщина здесь творится?

Я уложил очередную тварь, когда хлопнул выстрел. Следом раздался еще один. Старик пятился к воротам и стрелял по тянувшейся из дома цепочке пустышей, которой не было конца

и края. Из бани, к слову, поток тоже не прекращался. «И имя мне легион» – вспомнилась вдруг библейская цитата.

Глаза разбегались от обилия целей. Зараженных было больше трех десятков, и они все прибывали. Я отступал к старику, который на удивление быстро перезаряжал ружье, еще успевал пустые гильзы в карманы складывать и уверенно сносил тварям головы.

– В снегоходах понимаешь? – крикнул старик, пытаясь переорать урчащую толпу.

– Немного.

– Я их сейчас отвлеку на себя. А ты снегоход заводи и меня потом подберешь.

Я подбежал к воротам, отпер мощный засов и, раскрыв створку, вылетел наружу. Старик выскочил следом. Я уперся в дверь, а дедок спешно впрыгнул в снегоступы, а мои связал резинкой и подцепил к поясу. Поспешил на помощь мне и тоже уперся в дверь.

– Ныряй в снег. Я их отвлеку.

Идея показалась идиотской, но вполне могла сработать. Я, недолго думая, опустил на лицо лыжную шапочку и лыжную маску, прыгнул в ближайший сугроб и зарылся в него так, что торчали одни глаза. В дверь заколотили с такой силой, что старик не то что удержать не смог, он просто отлетел в сторону.

Ловко перекатился, вскинул ружье и дуллетом картечью снес головы сразу двум зараженным, попутно покалечив еще целую кучу. После этого дед повесил двустволку на плечо и, выкрикивая матерные выражения, медленно отступал, поигрывая топориком в руке.

Самых резвых, вырвавшихся вперед, он ловко бил в самое темечко, куда там тому Раскольникову. Этого маньяка туда запусти, ни одной бы бабки во всем Питере не осталось.

Я дождался, когда вереница зараженных уйдет, и подобно птенцу вылупился из снежного кокона. Заскочил в ворота. Ушли не все, парочка инвалидов грызла закороченные тела товарищей. Еще несколько все еще выползали из дома и бани.

На бегу я долбанул одного по башке и подскочил к снегоходам. Все были разной раскраски и модели. Естественно выбор пал на белый. Что-то из линейки «Ski Doo». Конкретно такие мне раньше не встречались. Но кое-что все же было понятно. Четырехтактный движок. Машинка-универсал. Сзади приличный багажник. Я перекинул туда запасную канистру.

Ключей в замке не оказалось. В поисках я залез в «Ниву». Обшарил все на свете. Пришлось лезть во вторую. Там нашлись аж четыре штуки и все без подписи. По очереди перебрал все, и как назло подошли только последние.

В это время самые внимательные из мертвяков уже сообразили, что дедка им не догнать, и тут есть мяско поближе. Движок отказывался заводиться – перемерз. Раза с десятого он все-таки запустился. Запахло выхлопными газами. Я вывернул руль в сторону ворот, как вдруг вспомнил про оружейный чехол.

Выскочил, сунулся в разбитое окно «Нивы», порвал куртку, но дотянулся и схватил чехол. Рубанул парочку подобранных близко тварей. Прыгнул на снегоход и, объезжая напрасно тянущихся за мной зараженных, выехал со двора. Старик уже был у самого леса и занял оборону на опушке, ловко опрокидывая какой-то рогатиной лезущих на горку трупоедов.

Завидев меня, он бросил оружие, нацепил на себя два рюкзака и побежал вдоль опушки. Я поехал наперерез. Остановился. Старый легко заскочил в багажник.

– Ходу, ходу! – заорал он, но я и без этого уже переключил скорость и тронулся с места.

Грохот дуллетного выстрела неожиданно ударил по ушам. Чего это он? Я оглянулся и от увиденного перескочил сразу на две скорости, не жалея шестерни коробки передач. Выскочившая из леса тварь была куда крупнее той, что напала на меня вчера. Этот уже из сугробников будет.

Мутант не стал за нами гнаться, вместо этого он подмял под себя ближайшего синяка и начал поедать мороженое мясо.

– Вырвались! – выкрикнул я.

Мотор шумел не так, чтобы уж громко, и мне показалось, будто я услышал вздох облегчения попутчика. Меня всего потряхивало, как только руль удерживал – не ясно. Жил себе на своей горе и горя не знал. Нет, надо было лезть вниз и приключения искать.

Мы проехали километров десять на запад. Несколько раз за нами пытались гнаться зараженные. Затесалась среди них даже парочка элитников, но благо дорога ровная, так что удавалось развить приличную скорость, и они отставали. Только вот от встречного ветра я промерз так, что уже не был уверен, смогу ли расцепить пальцы. Казалось, они намертво пристыли к рулю.

Старик указал править на поросший соснами холм. Я заехал, стараясь не вписаться в дерево, и загнал снегоход в чашу. Руль отпустил, но вот пальцы не гнулись. Дед помог мне выпить живца и разогнул их.

– Что это такое было? Ты видел? – спросил я, когда чуток попустило. – Тварей как пустых гильз на стрельбище.

– Дикие ловушку заготовили.

– И кто они такие?

– Кто такие, – задумался старик. – В долине есть несколько основных центров силы. Цитадель в самой середке, Ледокол на северо-востоке и пещерники на востоке. Все остальные поселения зовутся дикими. В таких редко проживает больше пятидесяти человек.

– И как им это удалось?

– А вот это уже вопрос интересный. Не успевшие отъестся зараженные становятся синяками. Чаще всего они бредут, куда глаза глядят, в поисках пищи, но бывает и так, что еды нет, а идти некуда. Поэтому паразит вводит тела зараженных в анабиоз и ждет, когда появится добыча. Их организм переводится как бы в режим сна. Поддерживается только основная трасса сердце-мозг. А потом в ключевой момент все резервы организма мигом активизируются. И эти ребята сделали так, что несколько десятков зараженных разом впали в состояние сна. Не знаю, как именно им это удалось, но если вдуматься, это не так уж и нереализуемо, при наличии людей с нужными умениями. Например, есть такое умение – сфера беззвучия. В определенном радиусе человек не издает никаких звуков. Если продержат зараженного без пищи и звуков на холоде, он впадет в анабиоз. То есть, им всего-то надо было повторить этот фокус несколько десятков раз, а потом как-то заложить зараженных в нужных местах. Но что-то подсказывает, они провернули это гораздо проще.

– Не знаю, что за дикие здесь обитают, но мне совсем не хочется с ними встречаться. Мы сейчас на их землях. Так?

– Да.

– И будем еще в них углубляться?

– Совершенно верно, – не стал отнекиваться старик.

Я лишь выругался в ответ.

– Я так подозреваю, ты не первый раз в этих местах.

– Не первый.

– И с этими ребятами уже пересекался.

– Не знаю, с этими или нет, но да, бывали встречи.

– Насолил ты им крепко.

– Не буду спорить.

– То есть, ловушку заготовили конкретно под тебя и твоего приятеля, которого ты так и не дождался?

– Этого мы уже знать не можем. Это может быть межклановая вражда диких, а мы просто неудачно заглянули.

– Ну да, ну да. Ты меня здесь подожди, я сейчас через портал домой смотаюсь, пирожков покушать, а потом вернусь. Сказки мне не рассказывай. Я, как видишь, тоже их сочинять умею.

Какого черта этот старый хрен затеял, я не знал. Не хотелось попасть под горячую руку за чужие грехи. Но какой у меня выбор? Я плюнул на все это и решил разобраться с находкой. Вытащил оружие из чехла. И присвистнул.

Нетипичный выбор для обычного охотника. В руках у меня был «ИЖ-18МН», он же «Байкал». Под калибр «308 Win». Трехкратный прицел. На прикладе нащечник на десять патронов. И в качестве издевательства там остался только один патрон. Мол, ты знаешь, куда упереть дуло, чтобы выйти из игры.

– Что за игрушка? – заинтересовался старик.

– Ижевский штуцер.

– Какой патрон?

– Семь шестьдесят два на пятьдесят один. Такой попробуй сыщи.

– Ну почему же, – лукаво улыбнулся старик.

Он выставил руку перед собой и ему на ладонь с неба упал патрон.

– Это тебе гуманитарная помощь из небесной канцелярии? – вытаращился я.

– Если бы. Пространственный карман это. Ношу с собой по одному патрону каждого калибра на всякий случай. – Он бросил мне патрон.

Я поймал и тут же зарядил, поставив карабин на предохранитель.

– И то хлеб, – сказал я. – Кстати о хлебе. Перекусить бы.

– По дороге поешь, – сказал дед. И достал из кармана завернутые в кулек полоски сушеного мяса. – Вообще привыкай на ходу есть. Полезная в этих краях привычка.

Я вытащил из рюкзака белую футболку. Ножом пустил ее на лоскуты и начал обматывать штуцер. Всего два выстрела, но их еще надо умудриться сделать так, чтоб тебя не срисовали.

– Это ты верно, – сказал с набитым ртом старик.

Он дождался, когда я закончу, и махнул рукой в направлении движения. Мы прошли несколько километров по заснеженной тайге. Жизнь в лесу кипела. Белки скакали по соснам. Напуганный песец, твякнув от неожиданности, убежал. А мутировавшая россомаха чуть не распорола мне ногу, но получила ледорубом по хребту и поспешно ретировалась. Потом лес резко обрывался, ему на смену пришел не очень крутой, но долгий спуск.

– Здесь надо снегоход спустить и замаскировать его вон в тех карликовых деревьях. Дальше пешком пойдем. До цели недолго осталось, – сказал старик, отдавая мне бинокль.

Мы вернулись назад, затем на снегоходе по дуге обогнули лесной массив. Я заглушил движок перед спуском. И машинка тихонько спустилась с горки вместе с нами. Старик включил свой дар и скрыл наш след. Я удачно подъехал к большому сугробу и остановил снегоход.

– Рюкзаки здесь оставляем, – скомандовал дед.

Старый навыврубал кустов, и мы, как могли, прикрыли технику. Вот кому-то подфартит, если наткнется. Снегоход, да еще и два рюкзака с добром. Хотя, что там этого добра, на два обгрызенных спорана. По крайней мере, у меня. А что у моего таинственного спутника может там храниться, только Улей знает.

Мы с разных сторон отошли метров на сорок полюбоваться нашим творением.

– С моей стороны сугроб хорошо закрывает, – сказал дед.

– Если с горки из леса смотреть будут – не разглядят. А спустятся, и уже могут заметить.

– В гору, если что, сможешь подняться?

– Да какая это гора, спуск же не крутой. Вытянет как миленький.

– Это хорошо, – кивнул каким-то своим мыслям старик. – Ну, пошли потихоньку.

Идти мы всегда начинаем потихоньку, да только лишь бы не вышло как в прошлый раз, что улепетывать пришлось, сломя голову. Я поправил лямку ружья и пошел за стариком. Движение в снегоступах уже не вызывало такого дискомфорта. Приноровился.

Мы аккуратно прошли мимо панциря заброшенной полярной станции. По узкой дороге меж холмов поднялись в гору, миновали заправку и засели в сугробе у дорожной насыпи.

Впереди метрах в двухстах стояли заметённые снегом остовы каких-то конструкций. Валялись разорванные в клочья автобусы. Стояли непонятные будочки, и виднелся какой-то раскуроченный административный корпус.

– Сейчас должен появиться, – сказал старик и глянул на часы.

Вдруг все пространство впереди заволокло зеленым туманом. А в небе начало переливаться северное сияние.

– Буря не начнется? – с опаской покосился я на область перезагрузки.

– Нет, – отмахнулся старик. – Кластер слишком мал. Да и не отличается там почти температура от нашей. Нормально все должно быть.

А все-таки с горы северное сияние красивее. Наверное, потому, что небо ближе.

Я уже весь заоченел, когда спустя полчаса туман рассеялся, и мои глаза поползли на лоб.

– Это что, твою мать, такое?! – выкрикнул я.

До меня вдруг дошло, что за конструкции погребены под снегом. К земле стремительно приближался дымящийся пассажирский авиалайнер.

Глава 6. Земли диких

Перенос не прошел для самолета бесследно, но все же падение не было неконтролируемым. Неизвестно, пришли ли в себя пилоты, или всем управляла автоматика, но по мере сближения с землей судно выравнивалось. Нет, обычной посадкой тут и не пахло. Но, по крайней мере, авиалайнер не должен разлететься вдребезги при падении.

– Ну, я пойду потихоньку, – сказал старик и начал выбираться из сугроба. – Если что, прикроешь, – бросил он мне через плечо.

Какого черта? Куда он поперся? Ну вот какое прикрытие с двумя патронами? Эти и многие другие вопросы вертелись в голове, но озвучивать я их не стал. Вместо этого взялся за бинокль и следил за самолетом.

Он совсем уже выровнялся и держал курс параллельно земле, но не успевал погасить скорость. Пилот зачем-то выпустил шасси. Они коснулись земли, и их тут же оторвало. При этом открылось багажное отделение, и оттуда словно потроха из распоротого брюха посыпались многочисленные чемоданы.

Самолет подкинуло, он рухнул днищем на взлетную полосу, его накренило на левый бок, крыло оторвало от удара. Центр тяжести сместился, и судно повело в другую сторону. Правое крыло начало крошиться, полетели куски фюзеляжа, взорвались турбины, от взрыва авиалайнер бросило в сторону. Он закрутился, но со временем начал терять скорость и зарылся в снег, наконец остановившись.

Я смотрел на все это как замороженный. Где такое еще увидишь? Заглядевшись на самолет, потерял старика из виду, и как вдалеке замелькали силуэты приближающихся снегоходов, тоже пропустил.

Штук пятнадцать приехало. Сзади к ним были прикреплены волокуши, в которых сидело по одному пассажиру. Они рассредоточились по всей дороге и закидывали в импровизированные сани сумки и чемоданы.

Оружие только у водителей, да и то в основном ружья. Автоматов или тем более снайперских винтовок ни у кого не заметил. Может, и припрятано у остальных что под курткой, но отсюда не разглядеть.

В это время двери лайнера раскрылись и на снег посыпались ошеломленные и окровавленные пассажиры. Человек семь вывалились и всё. Остальные еще в шоке наверное, а то и вовсе померли.

Я увидел, как дедок подкрался к самолету. Не обращая внимания на валяющихся в снегу людей, он раскрутил маленькую кошку и закинул в открытую дверь шлюза. Дернул, проверяя, как зацепилась и, ловко карабкаясь, нырнул внутрь.

Вдруг один из снегоходов поехал в сторону самолета. Твою мать! Ну вот что им всем там понадобилось? Я выбрался из сугроба и, пригнувшись, двинулся вперед. Интересно, где все местные зараженные? Ну никак они не могли пропустить такое приглашение на ужин. Похоже, у диких на этот счет припасен какой-то фокус.

Я притаился за еще пышущим жаром обломком самолета. Главное, чтоб в нем еще чего не рвануло. Взял на прицел парочку на снегоходе. Они тоже не обратили никакого внимания на стонущих и замерзающих людей, а вот веревкой, ведущей наверх, очень заинтересовались.

Пассажир с обрезом укрылся за телами валяющихся людей и направил стволы на выход. Водила тоже достал пистолет и спрятался за снегоходом, поглядывая туда же, куда и его напарник. Они чуть не пальнули, когда из самолета показался очередной выживший в катастрофе. Крепкий парень попробовал спуститься, держась за веревку, но соскользнул и рухнул спиной в снег.

Тут же из прохода высунулись два ствола, бахнул выстрел, стекло снегохода прыснуло осколками, а водитель, забыв про ответную стрельбу, зарылся в снег. Зато его дружок не потерялся и пальнул в проход дуплетом. Все это я наблюдал уже через оптику ружья, поэтому прицелился ему в бок и нажал на спуск.

Штуцер сильно лягнул в плечо, патронташ на прикладе мешал нормально прижаться. Это с непривычки, к таким вещам приноровиться надо. Дикий меж тем свернулся и кричал, обильно поливая снег кровью. Его товарищ зачем-то стрелял в меня. Любому дебилу же понятно, что с пистолета на семьдесят метров не достать.

Ну, дебил дебилу рознь, и поэтому я поймал его на прицел, но прежде чем успел нажать на спуск, Старый снова высунулся и пальнул, на этот раз удачнее. Отвлечшийся на меня стрелок забыл про опасность с тыла и подставил спину.

На звуки стрельбы уже подтягивалась парочка снегоходов диких. Я рванул к самолету. Пробираться на скорости по сугробам было то еще удовольствие. Пока я бежал, дед спустился сам и помог еще какому-то пареньку.

– Давай за руль, – скомандовал он мне.

Я перекинул карабин за спину, осмотрел снегоход, вроде пули ничего не задел. Завел движок и подбежал обыскать оба трупа. С трофеями разбираться было некогда, и я просто закинул их в багажник.

– Лезь в сани, – сказал Старый спасенному пареньку.

– Мужики, да что за херня? Денег у меня нет, родители не богатые, – упрямылся он, неведь что себе напридумывав.

– Лезь, тебе говорят! – прикрикнул на него старик.

Я, имевший изрядный в таких делах опыт, просто и незатейливо саданул парню со всего маху кулаком в бороду и забросил в волокушу. Старик зацепил его креплением и, хлопнув меня по спине, сказал:

– Валите, я прикрою, – на этих словах он пальнул по подъезжающим диким. Не так, чтоб попасть, а чисто напугать. – Езжай вдоль леса, три кластера жилых проедешь, там место приметное будет. – Ружье еще раз бахнуло. – У него жди меня. Если до ночи не вернусь, отходи на следующее утро к рыбацкой избе и там еще двое суток жди. Если и тогда не приду, своим ходом в Цитадель идите. Улей нас еще сведет.

Я кивнул. А мысленно добавил, пойдя потихоньку, старый интриган, чтоб тебя. Выжимая сцепление, я одновременно переключил педалью скорость и, добавляя газ, тронулся с места. Сзади раздались хлопки выстрелов, причем теперь палили и по дедку.

Ехать старался так, чтоб самолет хотя бы некоторое время прикрывал меня от диких. Но потом я обернулся и понял – сейчас им будет не до меня. Руки сами собой вывернули руль налево, и снегоход помчался прочь от злополучного места.

Горизонт на востоке ожил, оттуда накатывала сплошная волна зараженных. Впереди в километре от них ехал человек на одиночном снегоходе. Стрельба сразу прекратилась, дикие впопыхах попрыгали на свой транспорт.

Я выжал газ на максимум. Волокуша подскакивала на неровностях дороги. Я даже побожился, что ее оторвет, и немного сбавил скорость. Сзади раздались ужасающий хруст и звон сминаемого металла. Волна мутантов достигла аэродрома и громила самолет.

Чертово подсознание тут же дорисовало крики людей, которые я никак не мог слышать на таком расстоянии, и потому неосознанно снова прибавил скорости. Уже через пару минут миновал заправку и колпак бывшей станции. Спустился с горки и отцепил парня от волокуши. Закинул его в багажник старого снегохода и, используя все те же крепления, привязал там.

Хуторский снегоход мне нравился больше. Движок тише, а сам мощнее. Да и цвет опять же белый маскировочный. Да и не уверен я был, что поднимусь в гору и проеду вдоль леса с этими санями на хвосте.

Трофеи закинул в рюкзак. Завел движок. По уму надо бы прогреть. Да только страх того, что мутанты сейчас закончат пиршествовать на аэродроме и пойдут по следу снегохода, не дал соблюсти правила эксплуатации техники. К тому же, то и дело мерещился приближающийся звук двигателя.

Я сменил перчатки на варежки и сел за руль. Сказался горький опыт прошлой поездки. Поерзал, устраиваясь поудобней, и стартовал с места. Снегоход дернулся, пару раз чихнул и заглох. Все-таки без прогрева не обойдется, подумал я и попробовал запустить мотор еще раз.

Вопреки ожиданиям снегоход спокойно тронулся с места. Я сделал пару кругов по поляне, перед тем как подниматься на гору, чтоб не заглохнуть снова. И начал двигаться вверх по склону. На особо крутых участках приходилось ехать зигзагами. Такая тактика себя оправдала, и уже через пятнадцать минут я поднялся на холм.

Дальше двигался вдоль леса, как и советовал старик. Три жилых кластера представляли собой стоящие посреди заснеженной пустыни городки. Их объехал за несколько километров, поскольку жизнь там кипела. Это я понял по проложенным зараженными тропам. Ну и по остовам недавно раскуроченных машин на дорогах.

Пассажир так и не пришел в себя. Я даже начал волноваться, что убил его. Пришлось остановиться, чтоб проверить пульс. Подопечный был жив. Может, сказались последствия переноса и пережитая катастрофа, или он вообще в этот момент перерождается. В общем, я плюнул на него и поехал дальше.

Приметное место и правда оказалось приметным. Не знаю, чем это являлось на самом деле, но издали объект очень напоминал летающую тарелку инопланетян, ребром воткнутую в снег под наклоном примерно градусов в тридцать пять. В середине конструкцию удерживала небольшая подпорка. Я остановился, как только разглядел ее на горизонте.

Соваться туда вот так сходу без разведки совершенно не хотелось, но и не бросишь же снегоход с парнем. А то схарчат его, пока буду гулять. Так что, пришлось выбрать оптимальный вариант.

Я сделал крюк, вернувшись немного назад, где заметил перевернутый туристический автобус. Побродил по обглоданным костям и застывшим потрохам, выбрал пару более-менее нормальных бордов и лыж. Закрепил все поверх на снегоходе сзади себя перпендикулярно корпусу и поехал обратно.

Не доезжая полкилометра до логова инопланетян, остановился. Решил сначала вооружиться. Достал обрез и зарядил его, гильзы были латунные и без маркировок, так что остается только надеяться, что бывший хозяин оружия не был совсем кретином и не взял на дело дробь.

Пистолет оказался сильно потрепанным тридцать восьмым «вальтером» с одним полупустым магазином. Жаль, что мертвецов нельзя наказывать. Руки бы предыдущему владельцу оторвать за такое обращение с оружием. От влажности он весь заржавел, и как вообще умудрялся стрелять, оставалось загадкой. Но я все равно на всякий случай сунул его в карман, мало ли что.

Затем соорудил санки, кинув доски снизу и сверху поверх лыж, кое-как связал их между собой, погрузил незнакомца и пошел к тарелке. В диаметре инопланетный корабль был не меньше нескольких сотен метров. Шагов за тридцать я бросил волокушу и пошел один. Вблизи тарелка впечатляла еще больше. Следов вокруг не было никаких вообще. Чтоб убедиться в этом я потратил целых полчаса на обход по периметру.

Мне хотелось найти какие-нибудь бластерные пушки или замерзших дроидов, но вообще согласен был и на простую инопланетянку в криогенной камере. Если она, конечно, будет симпатичной.

Вход так и не нашел. Так что, решил готовить укрытие здесь. Слой снега был такой, что можно запросто откопать себе землянку. Точнее, «снежанку». Только вот руками рыть не хотелось.

Пришлось вернуться и забрать рюкзаки. Я наплевал на правила хорошего тона и залез в сумку к старику. Как и предполагал, там нашлась маленькая лопатка, штык которой с помощью нескольких крутящих движений фиксатора переводился в положение мотыги.

Я перетащил волокуши с парнем. Теперь мы оказались с другой стороны тарелки, где она образовывала острый угол с поверхностью земли. Расчистив площадку, начал рыть углубление. Хотелось как можно быстрее закопаться и спрятаться от чужих глаз, но все равно это занятие очень быстро мне надоело.

А чего я один впахиваю? Не набегался, что ли, еще сегодня? Я подошел к незнакомцу. Он был среднего роста и очень крепкого телосложения. Одет в обычную синюю куртку с капюшоном. Лицо широкое. Шапка сползла, из-под нее торчали короткие волосы сантиметра в три.

Похлопал его по щекам – ноль реакции. Тогда попробовал умыться снегом – тоже не помогло. Когда начал тереть уши, он застонал, но в себя так и не пришел. В итоге я влил ему в глотку живчика.

Парень сразу очнулся, закашлялся и ошарашенно завертел башкой.

– Как самочувствие?

– Ты... Ты... Ты кто такой? Где я? – залепетал он, стаскивая с головы шапку.

Я раздраженно поморщился. Накатила какая-то апатия, сил объяснять или что-то доказывать ему совершенно не осталось. Поэтому я выразительно щелкнул курками обреза и сказал:

– Заткнись.

Незнакомец тут же замолчал.

– Все вопросы потом. Сейчас берешь флягу и делаешь три средних глотка. Минут пять сидишь и внимательно следишь за внутренними ощущениями, если стало лучше, пьешь еще раз. Потом берешь вон ту лопату и начинаешь рыть яму.

– Могилу, что ли? – побледнел и без того почти белый парень.

– Не буду я тебя убивать, – как можно убедительней сказал я. – Если, конечно, дурить не начнешь. Пока роешь, попутно кратко рассказываешь, где был, чем жил. Понял?

Парень кивнул и послушно отпил. Посидел, еще раз отпил. Лицо из белого начало принимать красновато-румяный оттенок. Затем он взялся за лопату, примерил ее в руке, словно обдумывая, сможет ли проломить ей мою черепушку.

– Даже не думай, – покачал я головой. – Сдохнешь почем зря.

Я, чтоб не морозить задницу, уселся на борд и вытянул ноги. Достал из кармана очередной сникерс и начал есть.

– Будешь? – спросил я незнакомца.

– Нет, – отказался он.

Парень опасливо глянул на меня и начал копать, не забыв при этом, что нужно рассказать.

– Зовут меня Саня.

– Забудь, – тут же перебил я.

– Не понял.

– Потом поймешь. Ты говори, говори.

– Девятнадцать лет мне. Дембельнулся. Летел домой в Уссурийск.

– Где служил?

– Сначала в учебке в ВШП.

– В Чите?

– Угу. Потом перевели во Владикавказ. Оттуда уже в Каспийск, в Дагестан.

– Какие войска?

– ПВО.

– Сами не летаем и другим не даем, – рассмеялся я.

– Тоже пэвэошник?

– Ага, причем почти там же служил. В трех ста километрах западнее. У тебя там год какой?

– Две тысячи шестнадцатый, – растерялся парень.

– Даже так, – присвистнул я.

В общем, мы с ним разговорились, он уже не относился ко мне с такой опаской, но яму рыл исправно. Рассказал свою, в общем-то, обычную жизнь. А я вдаваться в детали не стал, все равно не поверит, сказал лишь, что попали мы в другой мир. Доказательств вокруг пока нет, не считая огромной летающей тарелки, но как только нас попробуют сожрать, я обязательно ткну пальцем и скажу: «Вот, смотри, на земле такого не водится».

Уже стемнело, когда мы расположились в уютной снежной норе. Я окрестил парня Дембелем. За разговорами поглядывать по сторонам не забывал, но все равно, как ни прислушивался, хруста снега не услышал, и когда кто-то ворвался в нору с криком:

– Ствол бросил! Быстро, сука! – меня чуть инфаркт не хватил.

Я сразу пальнул, но, видимо, из-за попавшего в дуло снега порох отсырел, и курки лишь впустую щелкнули.

Лукаво улыбаясь, в наше убежище вошел Старый.

– Что, бойцы, греемся, значит?

Я обматерил деда как только мог, но в глубине души очень даже обрадовался, что он вернулся.

– Чо вы тут расселись? Пошли внутрь – там теплее. И безопаснее, – многозначительно добавил он, воздев палец к небу.

– Это я зря, что ли, рыл? – расстроился парень.

Появление чудаковатого дедка его ничуть не смутило.

– Ничего не зря, – сказал Старый. – Размялся. А в Улье, если на печи лежать, адаптация долго проходить будет. Организму нагрузка нужна, чтоб он креп. И голову ненужными вещами забивать некогда было. А нужными мы ее еще забьем. Фарт тебе в общих чертах, наверное, уже объяснил, что к чему.

Я лишь покачал головой.

– Тогда тем более вопросов у тебя уйма.

Мы вылезли из укрытия вслед за стариком.

– Доски заберите, – сказал он и направился вокруг к другой стороне тарелки.

Сумерки сгустились, и приходилось смотреть под ноги. Дембелю без снегоступов было тяжело, он то и дело проваливался в снег.

С горем пополам мы добрались к нужному месту. Дедок вытащил свою лопату и начал отрывать снег у самого корпуса тарелки. Углубился примерно на метр, когда показалась небольшая выемка. Старик сунул в отверстие что-то вроде длинного толстого сверла с крюком на конце и провернул своеобразный ключ. Внутри что-то щелкнуло, Старый потянул сверло на себя, и появилась щель.

– Ледоруб, – требовательно протянул он руку.

Я передал ему инструмент. Старик сунул его в щель. Я скривился. В какой-то момент показалось, что сейчас мое орудие не выдержит нагрузки и лопнет. Но вопреки ожиданиям, люк открылся. Старик схватился за крышку толщиной сантиметров десять, закричал и с трудом приподнял. Щелкнул упор, попавший в паз и вставший на стопор.

– Прошу, – сказал старик и сделал пригласительный жест.

– На опыты нас к зеленым человечкам привел, – усмехнулся я.

– Залезай и узнаешь, – улыбнулся он.

- А чего нас не лучом внутрь затянуло?
- Энергию еще на тебя тратить.

Глава 7. Новые знания

Я достал фонарик, сунул голову в люк и щелкнул кнопкой. Тонкий луч света разрезал тьму и выхватил очертания железных прутьев лестницы, ведущей вверх.

– Залазь давай, – поторопил меня старик.

Он покопался в своем бауле и сунул мне моток веревки. Я скинул рюкзак, так как проход был слишком узкий, перебросил репшнур через плечо, зажал фонарик в зубах и начал подниматься. Метров через пять подъем кончился, и мне удалось вскарабкаться на горизонтальную поверхность.

Внутренность тарелки и правда чем-то напоминала космический корабль. Коридор, как и сама конструкция, уходил вверх под тридцать пять градусов. Черный решетчатый пол, трубы и кабеля вдоль стен. Только все какое-то маленькое, словно для хоббитов.

– Ну что там? – нетерпеливо донеслось снизу.

– Сейчас, – крикнул я в ответ.

Подвязал веревку за рукоять ледоруба и спустил инструмент вниз. Поднял по очереди оба рюкзака, сноуборды, лыжи и встал над проходом, чтоб подсветить попутчикам лестницу. Первым поднялся Дембель. Старый же залез внутрь, ногой сбил стопор и закрыл люк.

– Куда теперь? – спросил я.

– Налево, – сказал дед и щелкнул своим фонарем. – Только не упадите. Больно круто тут.

Пригибаясь, мы пошли за ним. Если б пол был гладким, то точно бы улетели. А так, ничего вроде. Идти можно, если осторожно. Мы свернули, прошли зал с прикрученными к полу столами и шкафами. Миновали коридор, повернули налево и оказались в маленькой комнатухе. Впереди у стены стояли ящики с железной посудой и еще каким-то барахлом. От скатывания их удерживали торчащие из пола шурупы.

В левом углу между полом и стеной параллельно земле на креплениях стояла буржуйка из старой алюминиевой фляги. Труба выходила в прорезанную в стене дыру. Под печкой лежали поломанные доски.

– И что это вообще за хрень? – озвучил я мучивший меня с Дембелем вопрос.

– Обычная полярная станция. Только откуда-то из будущего. По догадкам некоторых ученых голов ее как раз должны были устанавливать, когда случился перенос, и она просто рухнула.

– А чего все такое маленькое?

– Не знаю, не я ж ее проектировал. Может, люди мелковаты были, или еще дурость какая, – старик уселся у печи и начал ее растапливать.

Я скинул рюкзак и улегся сверху.

– Как выбрался? – спросил я.

– Нормально, – отмахнулся старик. – Молодежь живцом уже поил?

– Да.

Я порылся в рюкзаке. Достал очередную банку тушенки и пару сникерсов. Дембель вынул из ящика железную посуду.

– А воду где брать? – спросил он у старика.

– А вон, люк видишь?

Я посветил в то место, куда указал дед, и, действительно, там обнаружилась неровность. Дембель долго кряхтел и матерился, но все-таки разобрался с хитрым механизмом и поднял крышку. Высунулся наружу, нагреб с поверхности тарелки снега и поставил причудливый закопченный чайник в печь.

– И откуда у тебя ключ от этой обители заблудших путников?

– О, как заговорил, – рассмеялся старик. – Ничего мы не заблудшие. Дорога нам известна. А то, что путь извилист, это в Улье завсегда так. А место это людям знакомое. Хотя и не многим. Не знаю только, кто и как ключ изначально сделал, но теперь его спокойно в Цитадели купить можно. Не во всех, конечно, магазинах, но кто ищет, тот найдет. Те, кто в рейды на запад идут, всегда его с собой берут. Это вроде перевалочного пункта.

– Что-то здесь не очень найдено было. И если тут так безопасно, почему в стаб не превратят?

– Говорю же, мало кто про эту станцию знает. Район здесь непопулярный, а на запад не так чтобы уж слишком часто ходят. Понимаешь, тут места глухие. Бельмом эта территория зовется. Потому что сам заметил, на десятки километров ни одной живой души. Поселений почти нет. Полтора хутора – вот и весь народ. Зараженным тут неинтересно, людям тоже, так как брать здесь по сути нечего. Весь наш участок Улья представляет из себя что-то вроде горизонтального прямоугольника. На севере и востоке его запирают непроходимые горы. Хотя, может, и проходимые, да только никто из ушедших их штурмовать смельчаков так и не вернулся. Слухи, конечно, всякие бродят. Некоторые верят, что за горами теплые края. Пальмы, песок.

– Загорелые туземки с коктейлями и опахалами, – продолжил я.

– Во-во, – кивнул старик.

Он взял из ящика ухват и вытащил чайник. Дембель тут же начал разливать кипяток по чашкам.

– Ты давай мне по своему рецепту запарь, – попросил я деда.

– Что, понравился? – заулыбался тот.

– Еще как.

– Чего там с географией? – нетерпеливо выдал Дембель.

– С юга долина обрывается чернотой.

– Чем? – не понял я.

– Как тебе объяснить... – задумался старик и отхлебнул горячего чая. – Мертвая земля. Никто толком не знает, что это. Но она как бы вытягивает жизнь из всего живого. Через нее не пройти. Все, что туда попало, рано или поздно она поглотит. Но за ней расположен остальной Улей. С нормальным климатом. Там все немного по-другому. Зараженные без шерсти. Да много всяких отличий.

– А откуда знаешь, если через нее не пройти?

– Это мы туда не можем. А к нам оттуда приходили люди. Достоверно известно о трех случаях. А сколько их было на самом деле, остается загадкой. В Цитадели тебе об этом подробнее расскажут.

– А на западе что?

– Запад – это самое интересное. Там еды прилетает море. В прямом смысле этого слова. На западе побережье. Со всеми вытекающими. Там в наш мир перемещаются толпы тюленей, моржей и прочего. Десятки тысяч пингвинов. В теории даже королевский пингвин может переродиться. Ему вес позволяет. Ходят слухи, что даже видели таких, да только я не верю. Самые лютые зараженные из белых медведей получаются. Они изначально сильнее всех, а когда такой вот Умка схарчит стадо тюленей, представляешь, во что он превращается?

– Не хочется такое представлять.

– А я о чем. А там еще всякие касатки. Мне даже страшно думать, во что они могут переродиться.

Меня аж передернуло от представшей перед глазами картины.

– Вот и получается, что зараженным от побережья смысла уходить нет. У них там вся кормовая база. Да и с центра к нам не прутся. Потому что, опять же, еды нет.

– А там в аэропорту, что это было?

– Небольшая орда. Как раз увидели самолет и всей толпой побежали. А дикие здесь ученые. Видел мужика на снегоходе?

– Угу.

– Крысолов. Он их за собой таскает, пока его дружки чемоданы собирают. А потом контроль спадает, и твари всей толпой на самолет накидываются. Им до диких тогда дела нет.

– То есть, мы с тобой у самого пекла были? – уточнил я.

– Ну, не то чтобы у самого. Там до пекла еще прилично. Просто зараженные уже наученные. Знают примерно, когда птичка с кормом подлетит, вот и подбираются поближе к этому времени. Там кластер долгий. Два месяца перезагрузка.

– А как ты Дембеля вычислил?

– Дар у меня такой – вижу иммунных.

– А побезопасней мест не было, где свежака можно утащить?

– Это в здешних краях самое безопасное и было. Считай, почти Улей задобрил, – вернулся старик к своей излюбленной теме. – Осталось только помочь вам до места добраться, и все.

В этот момент откуда-то снизу раздался металлический звон. А затем скрежет.

– Это что еще за на... – хотел было сказать побледневший от страха Дембель.

– Тихо, – оборвал его старик. – А ну выгляни, кто там, – сказал он уже мне.

Я отпер люк и высунул голову. Внизу у входа топтался едва различимый силуэт. Звезды давали достаточно света, но белая шкура сливалась со снегом, и мне не удалось разглядеть тварь в деталях. Понял лишь, что она крупная.

– Дембель, иди глянь на это, – улыбнулся я пришедшей в голову мысли.

Парень с опаской подошел к окну и выглянул. Я вспомнил про бинокль и вручил его свежаку.

– Мать! – выругался он.

Зверюга внизу разглядела людей и попыталась запрыгнуть на тарелку. Да только покатая поверхность без единого выступа не позволила ей взобраться.

– Кто там? – поинтересовался так и не сдвинувшийся с места старик.

– Я в классификациях не силен. Кто-то не меньше сугробника.

– Плохо. Завтра за нами увязаться может.

– Что он тут вообще забыл? Ты же говорил, не заходят они так далеко.

– Не знаю, – пожал плечами дедок. – Может, ему у самолета пайки не хватило, вот он за вами по следу и увязался. Или просто поиграться захотел. Они ведь умнеют со временем. Вот у него мозги и зачесались, надо размять, и решил он следы пораспутывать. А распутывать-то и нечего. Дорога до еды прямая как взлетная полоса.

– Да не до петляний мне как-то было. Добрались живыми, и то хорошо.

– Вот тебе и наука на будущее. А если б я не вернулся, то он бы уже вами поужинал. Всегда, особенно перед ночевкой, следы запутывай. Тем более, вас двое было, вы за час такого могли накрутить, что у твари терпения бы не хватило вас найти.

– Запомню на будущее, – кивнул я в знак того, что усвоил.

Тварь внизу еще полчаса бушевала, пытаясь попасть внутрь или запрыгнуть на тарелку, но потом все же затихла. Ушла или затаилась – неизвестно.

После позднего ужина очень захотелось спать. Но я переборол сонливость и достал трофейное оружие, чтоб как следует его обслужить. Старик подтянул к себе сноуборды, достал нож-пилу и начал что-то выпиливать. Скорей всего, снегоступы для новичка.

Я ушел в работу, а свежак накинулся на старика с вопросами. Похоже, после того как увидел тварь, он окончательно поверил в реальность происходящего и решил чем-нибудь вооружиться. Хотя бы информацией. Так как другого оружия ему пока никто не дал.

Я тем временем взял в руки «Вальтер». Какой бы он ни был убитый, а все равно вызывал приступ какого-то эстетического наслаждения. Красивая вещь. Затвор открыт. Как мне помнится, это чтоб стрелять из бронемашин. Зацеп слева, и гильзы вылетают влево.

Я выщелкнул магазин. Отвел затворную раму, проверил, чтоб не было патрона в патроннике. Несмотря на это, отвел руку в сторону прохода и сделал контрольный спуск. Боек звонко щелкнул. Ввел еще раз и, теперь уже удерживая большим пальцем боек, аккуратно спустил курок.

Технику безопасности нам в армии намертво вбили после того, как один из контрабасов выстрелил в стену оружейки. Опустил флажок под рамой вниз в максимальное положение и снял ствол вместе с затворной группой. Стволик спокойно вынул из рамы. Вытащил клин.

Внутри ждал сюрприз – на одной из внутренних стенок была выгравирована надпись на английском: «Дорогому Генри». Интересно, однако. А пистолетик-то с историей. Впрочем, такое легендарное оружие, дошедшее до наших времен, почти всегда с историей.

Ограничился неполной разборкой. Трогать возвратные пружины, коих тут было целых две, или какие-то непонятные ролики и мелкие запчасти я не стал. Не такой специалист великий. Да и вообще не специалист. Просто в свое время вызвался дежурному по батарее помочь все «пээмы» перечистить.

До этого только травматы и держал в руках. «Калашы» на тот момент меня уже достали, а тут что-то новое все-таки. Да и за работой спать не так хочется. Плюс документы в штаб нести уже никто не отправит, когда видит, что солдат делом занят.

Слой ржавчины был такой, что пистолет надо бы на недельку отправить в масляные ванны, и только потом приниматься чистить. Или на худой конец «вэдэшкой» забрызгать, чтоб весь нагар сошел.

– Масло ружейное есть? – выловил я паузу между ответами и обратился к старику.

– Нет. Мне без надобности. Редко стрелять приходится. Я и не упомяну, когда последний раз до встречи с тобой это делал. Проблемный ты какой-то, – рассмеялся старик.

– Ага, я. Как же, как же. Слушай, а чего эти дебилы какие-то совсем нулевые были в плане боевой подготовки?

– Да стволы им больше для самоуспокоения, и чтоб друг друга пугать. Не бойцы это, а собиратели.

– Это многое объясняет.

Я порылся в ящике с посудой и нашел отвертку, достал из рюкзака платок, порвал его на лоскуты и начал на сухую счищать нагар. Хоть так немного ржавчины уберу. В общем, снова погрузился в процесс. Попутно и в голове порядок наводил. А то там тоже за год скопилось всякого.

Свежак продолжал пытаться старика. Что такое Улей, кластер, перезагрузка, паразит и прочее, и прочее. Я все это уже знал и не особо вслушивался до того момента, как речь не зашла о классификации зараженных.

Ее я слышал один раз от крестного еще в первые дни моего здесь пребывания, поэтому освежить память не мешало. Стадии развития низших зараженных я знал хорошо, так как сам наблюдал за ними не один десяток раз, а вот дальше для меня начинался уже темный лес. Так что я напряг слух, сосредоточившись на голосе старика.

– Начнем, пожалуй, с азов. С паразита. Споры, что попадают в твой организм, если не будет иммунитета, образуют что-то вроде грибочки. Она и контролирует все процессы перерождения. – Тут он сделал паузу, прокашлялся и менторским тоном закоренелого девственника выдал. – Это ничто иное, как генетическая программа, созданная для максимизации шансов выживания измененных.

– О как, – удивленно сказал я.

– Ага, – рассмеялся старик. – Местные профессора в Институте так говорят. В общем, паразит этот падлюка до одури хитрая, а раз у нас климатические условия отличаются, то и процесс перерождения тоже местами расхож. Теперь по видам, – тут он остановился, словно перечисляя всех в голове. – Значит, первый идет синяк или медляк, он же тормоз. Названий много всяких, за чернотой его зовут ползун, но у нас тут никто так не говорит. Медлительные обычно имеют синий оттенок кожи. Недавно нарвались с Фартом.

– Угу, – подтвердил я.

– Их легко узнать, они как киношные зомби. Почти всегда в одежде. Так паразит экономит ресурсы организма на обогрев. – Старик снова отпил чая. – Дальше идет пустыш. Он и в Африке, и в Антарктиде пустышом зваться будет. Нет в нем ни одного спорана голимого. Тоже одетые всегда. Известны даже случаи, когда изначально голые обратившиеся начинали одеваться. Хотя обычно мелкая моторика не их конек, им иногда мозгов не хватает ручку в машине потянуть, чтоб дверь открылась. Следующая стадия бегун. А по-нашенски жировик. На этом этапе зараженные начинают запасать жировые клетки. Все съеденное перерабатывается в жир. Кожа уплотняется. В ней активно прорастают новые волосные луковицы, но самой шерсти еще нет. Их легко узнать по тяжелым обгаженным штанам. Дальше идет джампер или керамбитник. Все то же самое, только более резвые, и у них вырастает один коготь, на указательном пальце. В зависимости от того, был он правой или левой. Паразит хитрый – грамотно использует старые нейронные связи. Им они вскрывают пуховики и прочее. Еще этот инструмент помогает управляться с мясом. Следующий жрач или лотерейщик. Второе название, кстати, тоже тут прижилось. По-местному иногда зовут фавны, мохноноги, хоббиты, мохнозадые. Сбрасывают штаны, но еще оставляют куртку. Отрачивают когти. Мышцы, как прачило, получают интенсивное развитие, а не экстенсивное.

– Больше мышцы, больше расход энергии, – вставил я свои три копейки.

– Так оно, – подтвердил старик. – За ним идет топтун, ну сам понимаешь, какой тут топот. Мы зовем йети или снежный человек. У них широкие ступни, как снегоступы. Такая тварь уже сбрасывает куртку, так как полностью покрыта мехом. Теперь начинают расти вишрь. Качают мышцу, так сказать. Дальше по шкале идет кусач или снеговик, он же снегоступ, он же морозильник. Любит прятаться в сугробе, но недолго. Жиров еще не хватает на длительную консервацию. Здоровый и быстрый. Шкура как броня, – на этой ноте старик постучал костяшками пальцев по стене тарелки. – Следующий по списку рубер – сугробник. Умеет впадать в анабиоз и длительное время не проявлять признаков жизнедеятельности, пока рядом не покажется добыча. Такой неделями может провести в снегу, ждать, пока ты мимо не пройдешь. Если заранее не заметил, то это стопроцентная смерть. За ним следует элитник, элита, жемчужник – высший из сугробников, может месяцами провести в анабиозе, если того требует ситуация. Обладает навыками маскировки. Крайне умен. Умеет устраивать ловушки. Следы от такого почти невозможно запутать. Но находятся, конечно, мастера, – тут старик подмигнул мне. – Из-за того, что приходится грызть мороженое мясо, у местных тварей клыки гораздо крепче и острее, чем у зараженных остальной части Улья. А еще, бывает, шип на левой руке зазубренный, как пила, а на правой острый и здоровый, как топор. Опять же для разделки. Ну вот и все. Есть еще одна зверюга, да только вам, ребятишки, еще знать о ней рано. Если увидишь такую, сразу поймешь, что она не относится ко всему вышеперечисленному.

С чисткой оружия как с ремонтом, закончить ее нельзя, только прервать. Так я подумал, когда наконец перешел на обрез. Ну, тут все куда проще и много времени не отняло. Дольше пришлось шить для него чехол. Нарезное я трогать не стал. Только протер в местах перелома.

Старик перешел на тему потрохов зараженных, рецептуры живца и всего прочего. И тут я вспомнил про одну неизвестную вещь.

– Слушай, – обратился я к нему. – У крестного были такие пилюли оранжевые. Что это такое?

– Это грелка. Вещь очень редкая и дорогая. Иногда выпадает из сугробника. Всегда из элитника. Закидываешь ее в любом виде и можешь самые лютые холода переждать в чистом поле. Но эффективней всего ее, конечно, в чай горячий кинуть. Тогда можно на нескольких человек поделить. Оранжевые хороши, но лучше всего красные.

– Понятно, – сказал я.

Старик наконец закончил ковыряться с деревяшками, но выстругал совсем не буратино вопреки ожиданиям, а снегоступы, хоть и кривоватые.

– Пока так походишь, а там разживемся, – прокомментировал дед свое изобретение, когда переставил крепления.

Дембель нацепил обновку. Походил и вынес вердикт.

– Пойдет.

А затем накинулся на старика с новыми вопросами.

Я вот ни разу иммунных новичков не встречал, но Дембель меня уже выбесил своими вопросами. А старик отвечал совершенно спокойно. Формулировки его были емкие и понятные. Складывалось впечатление, что он это рассказывал не раз и не два. Но при этом процесс его совершенно не утомляет, словно это что-то само собой разумеющееся. Как работа, например.

Все дела были переделаны. И меня нещадно начало клонить в сон. Я выставил ботинки в коридор, а сам расправил спальник. Залез в него по плечи, привалился спиной на стену, да так сидя и уснул.

Проснулся от того, что меня трясло от озноба. Словно я уснул не в одежде в спальнике, а голый и в снегу. Неужели старый хрыч в печку забыл дров подкинуть? Я с трудом открыл глаза и удивленно вытаращился на потрескивающие поленья в чуть приоткрытой дверце буржуйки. Старик улыбался и все еще травил байки Дембелю. Получается, уснул я совсем недавно. Какого хрена?

– С...с...сс...стар...старый, – еле выдавил из себя, стуча зубами.

Старик сразу подскочил и вытянул меня из спальника.

– Помоги, – сказал он Дембелю.

Вдвоем они раздели меня до трусов. «Что ж вы делаете, сволочи? И так холодно», – хотел я выругаться, но сил на это совершенно не осталось. Накатила абсолютная апатия. Желание было только одно – просто снова уснуть, несмотря на лютый холод.

Старик принялся отрывать от меня какие-то маленькие серо-черные галечные камни и кидать в кастрюлю. Камешек падал туда с металлическим «Диньк!». С каждым новым звоном веки становились все легче.

– Ну вроде все. В трусах сам посмотришь, – сказал старик.

Я посмотрел, но все как обычно, все на своих местах.

– Что это было? – вяло протянул, натягивая штаны.

– Стылые пиявки называются. Неизвестно, этого ли они мира порождения или занесло откуда, но обитают почти повсюду, где есть человек. Разве что кроме жилых стабов. Любят они вот такие места ночевки. Только непонятно, как сюда попали, не иначе, занес кто. Вот так обычно останавливается группа. Засыпают четверо, а просыпаются только трое.

– Эти камешки, получается, тепло высасывают? – уточнил я, катая горячий гладкий камень в руке.

– Да. Но прок с них тоже имеется. Можно в носок складывать и в ботинок совать, тогда они вроде просушки получают. Или в кастрюлю их кладешь, или в мешок и под голову. Они друг другу тепло передают и воруют опять же друг у друга. Получается почти вечный двигатель. Только в неволе долго не живут, вечно их подзаряжать не получится. И в город эту дрянь тащить нельзя. – Старик подчерпнул горсточку камней и закинул в буржуйку.

– Не сгорят?

– Нет. Ничего им не делается.

Я послушал совета старика и насыпал камней в носки, которые засунул в ботинки. Пусть сушатся.

– Больше не приползут? – уточнил я.

– Нет. Пиявки как бы сигнал друг другу отправляют. Тебе не повезло, что на тебя заползла одна. Если они и остались, то все будут в печь ползти.

Ну и пусть горят. Я закрыл глаза. Все тело чесалось как после похода по лесу, когда снял с себя нескольких клещей, а все равно кажется, что по тебе кто-то ползает. Но надолго моей паранойи не хватило, усталость все-таки взяла верх, и я провалился в сон.

Глава 8. Задобрил Улей

Проснулся легко. Просто открыл глаза, и все, сон как рукой сняло. Так бывает на утро перед поездкой на курорт или первым свиданием. Ты весь в предвкушении, залит энергией под пробку. Вот и мне не терпелось скорее попасть в Цитадель. Посмотреть, как люди живут. Хотелось чего-то нормального. Просто походить по городским улочкам, не боясь, что из сугроба на тебя выскочит очередная тварь.

Старик, видимо, не спал уже давно, в свете очага было видно, как исходит пар из его кружки.

– Будешь? – спросил дед.

Он даже не смотрел в мою сторону. И как только определил, что я открыл глаза?

– Конечно.

Я встал, свернул спальник и сложил в рюкзак.

Дед приоткрыл люк и теперь посматривал в окно. В его взгляде явно читалась настороженность.

– Сугробник? – спросил я.

– Да в том и дело, не видно его нигде. Следы уходят. Вон, – старик ткнул пальцем.

Я взял бинокль и взгляделся в указанном направлении. И действительно, вдаль уходила цепочка следов.

– А чего тогда?

– Непокойно как-то.

Дембель тоже проснулся. Мы в темпе позавтракали и начали собираться. Винтовку я повесил за спину, обрез сунул в чехол, а пистолет в карман. Новичку вручил второй ледоруб. Пусть хоть чем-то вооружен будет.

Старик спустился первым, отпер люк и надолго завис, разглядывая округу.

– Ну чего там? – в нетерпении заерзал Дембель.

– Не суетись, – одернул его я.

Наконец старик выпрыгнул и махнул нам спускаться. Мы последовали за дедом, и вскоре направились к снегоходу.

– А зачем нам к снегоходу? – задал я резонный вопрос. – Мы же там не поместимся.

– Перепрятать нормально надо. В будущем может пригодиться, не нам, так кому-то другому.

– Недолго он на таком холоде простоит.

– Правило такое. Лишнее, что есть, все к схрону тащи. Улей сам раздаст, кому сколько причитается.

Я ничего не ответил. Традиция так традиция. Может, и правда такая мелочь чью-то жизнь потом спасет.

Старик шел впереди, держал ружье наготове и пристально вглядывался в снег. Я двигался сзади и справа и смотрел вдаль. Последним плелся Дембель и паялился в основном под ноги. Мало того, что к снегоступам непривыкший, так еще и кустарщина голимая надета.

Чем ближе мы подходили к снегоходу, тем медленней двигался старик.

– Гляди в оба, – сказал он мне.

Не доверять предчувствиям деда у меня причин не было. Поэтому я насторожился, взял в руки обрез и взвел курки.

Метров за десять до техники старик дал знак разойтись. Мы с ним начали обходить снегоход вкруговую, а Дембель так и остался стоять, непонимающе хлопая глазами. Старик внимательно осмотрел все вокруг и только тогда повесил ружье за спину.

– Если б сугробник был, он бы здесь ловушку и устроил. Зарылся в снег, если чуть ветерок дул ночью, то и не видно. Сугроб сугробом. А то и вовсе ровный слой. Лучше перебздеть, как говорится.

В этом плане я с ним полностью согласен. Мне моя жизнь дороже лишних пяти минут, потраченных на осмотр.

– Чего встал? – обратился он ко мне. – Заводи и ставь за станцией, куда-нибудь возле сугроба.

– Поставлю там, где с краю снег осыпается.

Старик показал большой палец вверх. Я завел снегоход и начал прогревать движок. Снял рюкзак и бросил рядом.

Вдруг снег под моей ногой провалился. Я в недоумении уставился на пустоту под настом.

– Нора! – охнул дед, разворачиваясь и скидывая ружье.

Я, еще не успев осмыслить происходящие, тоже схватил обрез, не понимая, куда целиться и в кого стрелять. В этот момент наст под Дембелем взорвался, и парень улетел, словно подброшенный на багете.

Старик выстрелил дуплетом. Оглушительно бахнуло. Стремительная белая тень небрежно толкнула меня в сторону. Я улетел спиной в сугроб, пальнул в падении с двух курков, но промазал, лишь искалечив багажник снегохода и пробив канистру. Мутант надвигался на пытающегося перезарядиться старика.

Тварь на манер паркурщика начала перескакивать на одной лапе через снегоход, я успел выхватить «СПШ-44» и выстрелить. Ракета, сыпанув искрами, отскочила от заднего бампера и с шипением зарылась в снег. Вспыхнул бензин. Раздался взрыв. В лицо полыхнуло жаром.

Горящий зараженный истошно урчал от боли и пытался перекатиться возле снегохода, но раз за разом ударялся о его корпус. Наконец, мозг включился, и он попытался покатиться в другую сторону. Но тут взорвался бензобак в самом снегоходе.

Мутанта отбросило. Он барахтался и издавал невнятные звуки. Старик валялся неподалеку. Его ружье улетело и воткнулось дулом в снег метрах в десяти. В ушах звенело, руки рефлекторно пытались перезарядить обрез, но пальцы не слушались. Гильзы падали в снег, пролетая мимо стволов, как мяч мимо ворот у косолапого игрока.

Тут я понял, что непонятная сила тянет лямку моего ружья. И поначалу возмутился, но, подняв взгляд, узнал Дембеля. В голове как-то сразу прояснилась. Рука выскользнула из ремня, и парень пошел к твари.

Поймав ее на одном из очередных перекатов, он выстрелил в затылок. Звук получился какой-то приглушенный. Или это я оглох? Скорей второе.

Сугробник еще поскреб лапами снег и замер. Я встал, поборов головокружение. Надо побыстрее валить отсюда. Пока еще кто не появился на шум.

– Как мешок вскрывать, помнишь? – спросил я.

– Не ори, – буркнул в ответ Дембель. – Запомнил. Вчера ж объясняли.

Я вроде и не орал. Хотя ему, наверно, виднее.

– Ну иди, тренируйся, – то ли сказал, то ли подумал я и пошел проверять, жив ли старик.

Ему досталось сильнее моего – стоял ближе всех. Лицо деду опалило знатно. Я прихлопнул ладошкой медленно тлеющий полушубок.

– Не быть тебе, дед, донжуаном.

– Не очень-то и хотелось, – откашливаясь, просипел старик, не открывая глаз. – Синяки мужчину украшают.

– Дак то синяки, а не ожоги.

– Хрен редьки не слаще, – прокричал дед, когда я помог ему подняться.

Шатающейся походкой он дошел до ружья и повесил его за спину. Затем приложил к обожженному лицу снег.

– Бежим обратно, – скомандовал он и снова закашлялся.

– Закончил? – спросил я у Дембеля.

Тот утвердительно кивнул головой. Я собрал разбросанные патроны, схватил рюкзак и пошел за стариком. Дембель взял дедовскую сумку и догнал меня.

– Держи. – хотел он передать штуцер.

– На кой ляд оно мне без патронов сдалось? Неси теперь.

Спустя десять минут мы уже снова сидели у печурки, запивая пережитый стресс живцом.

– Может, по писярику? – предложил старик, доставая свою бутылку коньяка.

– Нет, – отказался я.

– Давай. Можно и по соточке, – подал голос Дембель.

Они разлили и выпили, не закусывая. Затем повторили процедуру еще раз, и только тогда старик шумно выдохнул.

– Лихо ты его, – сказал он.

– Сам не ожидал, – признался я. – Дембель тоже хорош, не растерялся.

– Угу, – подтвердил старик. – Боевое крещение прошел.

Дед достал из рюкзака аптечку.

– Ну, кто тут в медицине хорош? – говорил старик, почти не открывая губ, чтоб лишний раз не травмировать пострадавшую плоть, и потому звук получался как бы сквозь зубы.

– Давай, я, – вызвался Дембель.

Я сморщился. У старика левая половина лица была похожа на пузырившееся тесто. Седая щетина оплавилась до самой кожи. От усов тоже только половина осталась, да и та приобрела желтоватый оттенок, как бывает у заядлых курильщиков.

– Зря бороду с утра подстригал, – вроде как подбодрил я старика.

Тот в ответ лишь улыбнулся здоровой половинкой губ.

Дембель смочил в чем-то большой квадратный ватный тампон и принялся промакивать ожоги. Старик даже ухом не повел и не поморщился. Ну чисто терминатор, чтоб его. Или у него адреналин еще не выветрился, или он совсем отмороженный.

– Вот этим давай, – подал ему старик какую-то мазь.

Парень послушно нанес толстый слой на два тампона, приложил их к лицу старика и плотно забинтовал.

– Ты где так научился? – оценил я качество работы.

– Да я ж санинструктором в учебке был.

Я в ответ лишь хмыкнул. У нас такие санинструктора попадались, что от всех болезней прописывали высмаркиваться почаще.

– Чего теперь делать будем? – обратился я к старику.

– До завтрашнего утра здесь посидим. Сильно на шумели. Опасно идти.

– Здесь с дровами как? Эти уже к концу подходят.

– Иди пошарь по помещениям. Все, что деревянное или бумажное есть, тащи сюда.

Что-то такое я и предполагал.

Щелкнул фонарем, проверяя работоспособность, взял ледоруб и пошел на поиски. Пистолет на всякий случай из кармана переложил в левую руку.

Стремно как-то по этому космическому кораблю одному шляться. Сразу нехорошие ассоциации с каким-нибудь молодежным ужасиком возникают. И я такой классический идиот, который в одиночку в темноте куда-то поперся. Если сейчас еще фонарик мигать начнет, точно назад пойду.

Шутки шутками, а какой-нибудь заблудший рейдер вполне мог сюда зайти и загнуться от спорового голодания, обратившись в пустыша, который сейчас заперт в одной из комнат и затаился в предвкушении.

Ну его нахрен. Усилием воли я отогнал дурные мысли, а то сейчас в каждом предмете чей-нибудь силуэт мерещиться начнет. Во тьме многие вещи любят принимать очертания наших самых страшных кошмаров.

Тяжелые подошвы ботинок с громким стуком касались пола. Этот звук гулким эхом разносился по пустым помещениям станции. Я уже один раз повернул направо и один налево. И теперь оказался у развилки.

Главное – не заблудиться, так что снова повернул налево. Прошел по коридору и уперся в массивную дверь. Потянул створку на себя и оказался в просторном помещении. Столовая, не иначе.

Все столы прикручены к полу. А вот стулья были как бы на роликах. И сейчас стояли в стопоре. То есть, захотел бы я сейчас сесть, мне сначала нужно ногой снять стопор, потом по колее прокатить стул, отодвинув его. Потом сесть и снова пододвинуть. Интересно придумано, конечно.

Я прошел направо, где за раздачей виднелись двери в кухню. Зашел внутрь. Начал рыться в шкафах, нашел зажатые в креплениях разделочные доски. Отлично. Все сторит. Там же обнаружил топорик для мяса. Вручу Дембелю. Пригодится как запасной инструмент, черепа вскрывать. Еще попался добротный нож, такой не сломается, если им щепки строгать начнешь или в кость ударишь.

Еще поискал, сгреб в кучу всякие скалки и толкушки для пюре, а точнее, картофелемялки. По-моему, самое уродское слово, которое придумало человечество. Перехватил все веревкой и пошел обратно. Скинул пожитки у печки.

– Держи. В награду тебе за боевые заслуги.

Дембель рассмеялся и подгону страшно обрадовался. Все-таки понимал, ледоруб в Цитадели вернуть придется, а так, хоть ножик собственный будет.

Отправился на второй заход. В кухню соваться не стал, вместо этого прошел через столовую к другому выходу. Там обнаружил не что иное, как библиотеку. Толстые томики папок и документов хранились в запертых на шпингалет железных ящичках. Полистал и, разумеется, ни слова не понял. Язык ни на что вообще не похож. Смесь египетских иероглифов и случайного набора символов, как при взломе компьютера в старом добром «Фаллауте».

Жечь книги – это страшный грех, но не тогда, когда они на незнакомом языке в затерянной посреди снежной пустыни станции. Принес две связки на растопку, для будущих поколений, так сказать. Может, кто потом спасибо скажет.

Нормальное дерево удалось найти только на третьем ярусе. Там отыскалась комнатка, предназначенная для гербария. Прибитые к полу деревянные ящики с семенами в тряпичных мешочках сразу привлекли мое внимание. Пришлось, правда, повозиться с замками.

Ледоруб стало жалко, и я прошелся по другим помещениям, пока не нашел кусок трубы. Им легко вывернул замки и оторвал ящики от пола. Тут уже поработали вместе с Дембелем. Деревя было много, мне одному столько не утащить.

Изучение станции увлекло, я проходил по темным коридорам аж до самого вечера. Даже подобие карты нарисовал в двух вариантах. Одну оставил себе. Уже появилась задумка, как ее можно использовать. А второй листок прилепил в комнате. Чтоб последующие квартиранты могли ориентироваться, если им вдруг приспичит.

Перед сном поделили добро с поверженного сугробника. Старик хотел отказаться от своей доли. Мол, все равно в снегу провалился, пока мы зверюгу убивали. Но мы и слушать не стали. Если б не его мгновенная реакция, то тварь бы нас порвала, без вариантов.

В общем, день получился насыщенный. Спать я ложился довольный и с чувством выполненного долга.

* * *

Следующие утро как две капли воды было похоже на предыдущее. Разве что к сторевшему остову снегохода мы не пошли, а двинули напрямик на восток.

– Вы теперь повнимательней по сторонам зыркайте. А то у меня обзор на пятьдесят процентов меньше обычного.

– Понял.

Двигались мы куда смелее, чем вчера. Мне не мешала винтовка за плечом. А Дембелю она, видимо, прибавляла уверенности, хоть и без патронов. К тому же, он воочию убедился в смертности тварей.

Судьба решила, что хватит с нас злоключений, и до обеда мы шли относительно спокойно. А там наткнулись на стаю волков.

– Ложись! – скомандовал я, так как первый заметил опасность в бинокль.

Стая двигалась перпендикулярно нашему курсу и была большая – двадцать пять особей. Волки шли цепочкой. Тяжелее всего приходилось самым первым, они прокладывали колею в снегу.

– Еще перерождаться не начали. Совсем свежие, – подал голос дед.

– Значит, где-то рядом кластер недавно перезагрузился, – сказал я.

– Угу. Надо будет туда заглянуть. Обувку для Дембеля нормальную найти.

– Заглянем.

– Жалко их. Больше, чем людей даже, – сказал старик. – В волчьей стае семь рангов, это прекрасно организованное общество, там каждый на своем месте и знает, что ему нужно делать. Не то, что у людей. И пары у них на всю жизнь. Если один из партнеров умирает – новый союз не создается. Смотрите. Вон вожак, – старик указал пальцем на самого крупного волка черного цвета. – А те воины. Похоже, с одного помета, – он ткнул на две почти белоснежные особи. – За ними идет мать. А вон там опекуны. А тот у них за сигнальщика. В середине плетутся щенки и инвалид, хотя он не увечный, просто старый. Волки заботятся о своих стариках.

Я удивился подобной осведомленности спутника. Вот так сходу определить, кто есть кто – это не один год за ними наблюдать надо.

– Я в той жизни их изучал, – ответил старик на висевший в воздухе вопрос. – Сейчас они из виду скроются, прям по их следам в свежий кластер и пройдем. Заодно и свой след спутаем.

Так и поступили. Шли то по колее, то пересекали ее, то и вовсе плели причудливые узоры, как указывал дед. Дорога пошла вверх, и начали появляться скальные выступы. Старик заставил нас штурмовать самые невысокие из них.

– На камнях запах плохо держится, – пояснил он.

Свой дар Старый в ход почти не пускал. Экономил ресурсы организма, чтоб на регенерацию все шли.

Волчий след уходил в бор. Тут уже двигались осторожно. Но ничего интересного не нашли, если не считать сторожки охотников. Сами владельцы свалили в поисках пищи.

– Давайте догоним, – предложил Дембель. – У них же ружья должны быть.

– Даже если ты, следопыт, вдруг этих людей, или уже нелюдей выследишь, уверен, что они их не потеряли по дороге? – задал дед резонный в общем-то вопрос.

– Не уверен, – стушевался парень.

В домике решили остановиться. Снегоступы, к слову, нашли. Да и не только их. Печь топить не рискнули, но вот нормальной еды, оставшейся от охотников, все же поели. А мои спутники еще и по сто пятьдесят найденной здесь же водочки накатали.

Почему я не пью? А черт его знает. Не хочется, и всё тут. Хватит и того, что мы и так здесь все поголовно извечные алкоголики, так как споран только в спиртном и разбавляют. Вот доберусь до стаба, там и накидаюсь в дрова. Впрочем, это только ощущения.

У меня после армии так же было. Даром, что особо не пьющий, но целый год мечтал, как нажрюсь до потери памяти. А домой пришел, как рукой сняло. Выпил с лучшим другом пивка, и все. Близкие рядом. А больше ничего и не надо для счастья. От мыслей о доме у меня неприятно защемило в груди.

– Пойду осмотрюсь, – сказал и вышел на улицу.

Едва успел закрыть дверь, как мне в ногу впилась не пойми откуда взявшаяся гончая. Тут же налетела вторая, третья... семь. Столько смог увидеть, прежде чем завалился от дикой боли в ногу. Рука скользнула в карман, и я выстрелил в тварь прямо через ткань куртки.

Пуля пробила подклад и впилась собаке в морду. Понимая, что не успеваю выдернуть пистолет, левой рукой уже нашарил нож на ремне и встретил вторую псину лезвием в горло. Остальные собаки налетели на меня, я едва успел закрыть лицо руками, как мир вокруг превратился в страшную смесь лая и урчания. Куртка трещала. Я изо всех сил брыкался, катался и дергал ногами.

Наконец раздался долгожданный выстрел, и еще один. Матерящийся Дембель вылетел с ледорубом и всадил орудие в череп одной из тварей, старик со своим топориком тоже не стал стоять в стороне. Мутанты забыли про меня, и я тут же вскочил, стянул с пояса ледоруб, но воевать было уже не с кем. Дедовский топор с противным чавканьем вошел в голову последней зараженной собаке.

Если б один шел, тут бы и съели. Хотя одному мне бы и досюда не добраться было. Ноги подкосились, и меня затащили в дом. Одежда превратилась в лохмотья. На теле десятки укусов. Адреналин потихоньку начал выветриваться из крови, и каждая рваная рана наливалась пульсирующей болью.

– Эх, угораздило же, – тяжело вздыхал дед, обрабатывая и бинтуя раны. – Теперь вонять кровью за километр будем.

– Главное, чтоб на выстрелы никто не пришел.

– Не придут. Был бы здесь кто, мы бы уже поняли. Но уходить отсюда надо. Трупы собак точно неприятность накликают.

Я переоделся в охотничью одежду, которая по удобству и теплоте заметно уступала моей, но выбора не было. Группа выдвинулась в дальнейший путь, не боясь преследования. Если за нами кто-то шел, он отвлекся на поедание собак.

– Здесь аккуратней. Неспроста они с собой столько собак взяли. Может, шатуна искали, – предупредил старик и как накаркал.

Треск веток слышали заранее. Бежать в лесу было некуда. Поэтому мы просто подыскали возвышенность и схоронились за соснами. Когда медведь начал подниматься, мы со стариком вынырнули и дали одновременный залп пулями в голову, а спустя секунду еще и картечью в грудь.

Зараженный мишка пробежал еще метров пять и завалился на бок. По сравнению с сугробником свежее обращенный косолапый как-то не впечатлял. Но подходить мы так и не решились и обошли бурого по дуге.

Через несколько километров на выходе с опушки заметили странного йети. Он бегал по полю, бороздя носом снег, как кабан. Наконец остановился и начал рыть. Мутант уже закопался на добрых полметра, когда упёрся в слой льда, но зараженный продолжал скрести когтями, пока не вытащил человеческую руку.

– Что это было? – спросил я старика, когда тварь спустя два часа закончила трапезу и скрылась из виду.

– Большинство зараженных сидят у кластеров и ждут их перезагрузки. Некоторые путешествуют и питаются падалью, зарытыми под снегом телами. Может, кого-то на той неделе в бурю здесь занесло, или тут труп, который уже двадцать лет так лежит. Может, прямо сейчас под нами целое кладбище мертвецов лежит. Снег надежно скрывает свои тайны.

Следующие три дня слились в один. Шли на восток. Иногда останавливались, чтобы поесть. Проходили вымершие города и поселки. Скрывались от зараженных. Путали следы. Спали. Снова шли. Убивали. Бежали. Снова шли. Хруст снега. Вьюга. Холод. Белизна вокруг.

За это время мы неплохо сработались и даже сдружились, жалко расставаться. Не знаю, что там за заморочки у Старого, но с Дембелем сто процентов дальше держаться вместе будем. Мы с ним уже договорились.

Ледоруб я ему подарил в извечное пользование. Штуцер тоже, но он его собрался продать и купить что-нибудь попроще. А то, если честно, с переломной однозарядкой тут особо не разгуляешься. Он долго отказывался, но я его убедил, что это вроде как мой вклад в мое же будущее. Ведь если у меня напарник вооружен, то мне же спокойней.

Регенерация иммунных творит чудеса. Укусы на мне затянулись и теперь напоминали о себе лишь белыми пятнами на коже. У старика все было куда смешнее. Одна половина лица румяная и загоревшая, а вторая бледная и белая. С левой стороны борода уже с ладонь в длину, а с правой трехдневная щетина.

– Долго еще? – в очередной раз спросил Дембель на третий день.

– Почти пришли, – ответил старик. – Мы уже в центре долины. Можно сказать, в окрестностях Цитадели.

Ветер разыгрался не на шутку. Мы перевалили через холм, и нашему взору предстала равнина, а вдали замелькали серые точки. Я приник к биноклю.

– Люди. На снегоходах, – доложил я, падая и роняя за собой Дембеля.

Старик повторил наш маневр и попросил бинокль.

– Ну-ка, ну-ка. – его распирало от любопытства.

– Отбой тревоги, – скомандовал он, улыбаясь во весь рот. – Я их знаю. Свои это. Пришли, братцы, почти у цели!

Настроение старика передалось и нам. Мы встали в полный рост и направились к бесстрашным путникам, устроившим стоянку у всех на виду. Сама природа решила нам подыграть и подгоняла в спину порывами ветра.

Десятка два снегоходов стояли, образуя круг. Человек тридцать расположились внутри него. Завидев трех незнакомцев, люди сначала переполошились и взяли нас на прицел, но после того, как старик промахал им хитрую жестовую комбинацию, успокоились, некоторые даже выдвинулись навстречу.

Дед здоровался со всеми за руку, с кем-то даже обнимался. Мы просто стояли и лыбились как дебилы. Вот оно, почти у цели! Последний рывок, и будем в безопасности.

Старик подошел к мужику в красной куртке с капюшоном, лыжных очках и шарфом, натянутым до носа. Он, судя по всему, был здесь за главного. Дед махнул рукой в нашу сторону и что-то втолковывал незнакомцу. Может, насчет транспорта в Цитадель договаривается.

Главный вместе со стариком направились в нашу сторону. При этом его люди как бы невзначай обступили нас со всех сторон. Пекутся за старшего. Преданный народ. Это похвально. Я виду не подал. Мол, так и надо, а Дембель и вовсе не заметил. Ему было по барабану, он мечтами уже в кабаке и женских ласках.

– Вот этот совсем свежий. Дар еще не проклянулся, – сказал старик, улыбаясь. – А Фарт какой-то непонятный. Сам смотри.

Главный внимательно посмотрел на Дембеля, потом перевел взгляд на меня. Мне даже показалось, что он вздрогнул. Затем что-то сказал старику, но ветер снес его слова.

– Но Фарт же... – возразил было дед.

Главный развернулся и ушел, не желая ничего слушать. Дед направился к нам.

– Ну вот и все. Пришли, ребятки. Пора задобрить Улей, – при этом в глазах старика появился нездоровый блеск.

Прямо как тот, который я увидел при первой нашей встрече. Дембель недоумевающе посмотрел на меня, а я уже сунул руку в карман куртки.

Незнакомцы двинулись к нам, и я выстрелил в ближайшего. Пуля угодила парню в бедро. Дембель успел выхватить ледоруб, а я полоснул кого-то по руке ножом. Потом сразу множество тел навалилось со всех сторон. Мне ударили под дых и заломили руки. С Дембелем сделали то же самое.

– Какого хрена, Старый? – орал я во весь голос.

– Чо за беспредел? – вторил мне Дембель.

Нас полностью раздели и поставили на колени. Ну, готовили явно не к оргии. Стучали молотки. Двое ребят с лопатами расчистили два небольших углубления в снегу. Затем их сменили двое других, которые начали долбить ломиками лед. На огонь поставили большой бак и заполнили его снегом.

Что за хрень, они нас сожрать, что ли, собрались?

– Не ешьте меня. Я невкусный! – заорал и сразу схлопотал под дых от угрюмого бородача.

Ну ничего, морда нахальная, я твою бородищу еще на шерстяные носки пушу. Дембель как-то поник и даже материться уже перестал. А я так не могу. Стуча зубами, бранил мучителей на чем свет стоит. Непристойно шутил про их проросшее из инцестов семейное древо. Про то, что если они меня убьют, мой мстительный призрак не даст им покоя.

Ребята не впечатлялись. Видимо, всякого уже наслушались. Лица у всех были такие, словно ничего из ряда вон выходящего не происходит. Обычный день.

Люди с ломиками перестали, наконец, стучать. Получилось две ямки глубиной сантиметров по сорок. Рядом с каждой из них вбили два железных колышка так, чтоб они торчали из земли метра на полтора.

Меня с Дембелем поставили каждого в свою яму. Закоченевшее, казалось бы, тело вмиг согрелось, и я забился как бешеный, когда увидел двух человек, черпающих из котла воду в ведро. Запал быстро иссяк. Не вырваться мне – как-то разом накатило осознание.

Две симпатичных девушки подошли к нам, каждая держала по ведру. Я подмигнул той, что стояла напротив.

– Красавицы, если хотели увидеть меня голым, мы как-то попроще могли решить этот вопрос, – выдал я, заикаясь и стуча зубами.

Да, вот так вот. До крещенских морозов еще далеко. Аж целое никогда. Календаря тут нет, как и времени. Так что, я понял, либо у них такой безумный обряд посвящения, либо я сейчас умру. В любом случае, больше не подарю им ни капли своей злобы. Буду нетипичной жертвой. Может, хоть запомнят.

– Девчата, я такие процедуры после баньки люблю. А сейчас как-то не то.

Стоящая напротив меня девушка улыбнулась, убирая свободной рукой прядку с лица. А потом просто с размаху выплеснула на меня ведро. Я говорил, что было холодно? Так вот, беру свои слова назад. Я тогда понятия не имел, что такое холод.

Дембель заорал, когда его очередной раз обдали обжигающе холодной водой. Ноги уже пристыли, ведь я стоял почти по колено в воде, которая мгновенно схватилась ледяной коркой. Я больше не кричал. Лишь сипел. Мои руки были разведены в стороны к двум столбам и прихвачены к ним веревкой.

Теперь воду лили тонкой струйкой, чтоб она успевала застывать. Мысли замедлились. Сознание начало замерзать вместе с телом. Зачем все это? Для чего старик столько времени спасал нас? Таких трудов стоило сюда добраться, и все это ради того, чтоб так задобрить Улей?

Мыслей в голове вообще не осталось. Думал только о холоде.

Когда наши тела полностью покрыл толстый слой льда, незнакомцы просто погрузились на снегоходы и уехали. Даже вещей наших не тронули. Так все и осталось валяться.

Холодно, как же, сука, ХОЛОДНО.

Не, ну что за уроды? Я чувствовал, как замерзаю насмерть. Не страшно умереть за правое дело, за друзей, за любовь. В этом случае я бы даже нашел в себе силы улыбнуться и по киношному плюнуть кровью в лицо врага. Но вот так, ни за что, ни про что. Обидно...

Организм тратил все силы, чтоб раз за разом заставлять сердце биться. Я чувствовал, как оно стучит все медленней. Вот – наконец затихло. Удивительно вот так понять, что твое сердце просто остановилось. Кровь больше не поступала в мозг. Мутная картинка сквозь слой льда начала меркнуть, и я окончательно потух.

Глава 9. Снова день сурка

В себя пришел от того, что услышал обрывки голосов. Тела вообще не чувствовал. Не существовало ничего, только звук. Сначала невнятное бормотанье разной тональности. Потом уже более осмысленное:

- Ни хрена себе!
- Сектанты суки...
- Тут кровь на снегу.
- ... и рюкзаки проверьте.
- Вальтер. Надо же. Смотри это...
- Потом уже стал понимать целые предложения.
- Трахом, это специально нам подарочек устроили.
- Да понял я, не дурак. Совсем распоясались, твари.
- О! А этот живой.
- Не может быть. Они здесь уже двое суток стоят.
- Ты меня за балабола держишь? Или я на шутника похож?

Потом застучали чем-то железным по льду. Затем я снова провалился в пустоту. Сквозь тьму до меня доносился вой выюги. Какие-то голоса. Ругань. Удивленные возгласы. И женский голос, говорящий «бедненький».

В какой-то определенный момент кончики пальцев начало покалывать, словно одновременно тысячи затупленных иголок впиваются в плоть. Затем боль начала усиливаться. Драконе пламя разлилось по всему организму, каждая клеточка превратилась в раскаленную песчинку. Я вдруг понял, что ощущает сброшенный в жерло вулкана человек. Сначала заморозили, а потом вот сжигают заживо.

Контроль над пылающей кучей мяса вернулся как-то разом. Я дернулся и заорал, из пересохшего горла вырвался страшный хрип. Хуже, чем у зараженного. Хуже, чем у тварей из фильмов ужасов.

Глаза распахнулись. Я успел увидеть, что нет никакого пламени. Лишь светлая комната, длинные рыжие волосы и испуганные глаза. А потом кто-то навалился на меня, разум снова погас, и боль ушла. Ей на смену явились тягучие вязкие сны. Я изо всех сил старался проснуться, но не мог.

Когда открыл глаза, надо мной стояла девушка с пышными рыжими волосами. На ее лице была обычная медицинская маска. Она возилась с капельницей и удивленно замерла, увидев, что я ее разглядываю.

Еще, наверное, и улыбался как кретин при этом. Не знаю. Тело все еще как неродное. Ощущения какие-то притупленные. Словно водишь пальцем по большому шраму. Вроде чувствуешь касание, но эффект не тот.

Девушка налила воды из прозрачного графина и подала мне. Я разом осушил советский граненый стакан, даже цена в четырнадцать копеек на дне присутствовала. А потом влил еще один и лишь затем смог отпить живца. На вкус он был дерьмовый. Даже какой-то казенный, что ли. Другое слово на ум не приходит.

Пока пил, смотрел по сторонам. Небольшая белая больничная палата. Справа окно с открытыми шторами. Слева дверь со стеклянным окошком на уровне глаз. Возле кровати тумбочка и капельница. На противоположной стене еще одна дверь. Наверное, умывальник и уборная.

- Гюльчатай, покажи личико, – только и смог сказать я перед тем, как снова отрубился.

Не знаю, через сколько пришел в себя. Медсестра или врач, или знахарка, мне неизвестно, кто она, сидела на стуле рядом с кроватью и, оторвав взгляд от книжки, посмотрела на меня.

– Привет, – поздоровался я. – Меня Фарт зовут.

– Алиса, – представилась девушка. – Для друзей просто Лиса.

И тут бы завязаться интересному диалогу, но истощенный организм предательски отключил питание.

В третий раз придя в себя, я твердо намеревался остаться в сознании.

– Лиса! – крикнул я, так как девушки не было в комнате.

Услышал звук шагов, повернул голову. Стоя спиной, девушка поспешно натянула маску и вошла в комнату.

– Долбани меня дефибриллятором, – сходу взял я быка за рога.

– Что? – Алиса замерла и непонимающе уставилась на меня.

– Я говорю, вколи мне адреналин, да хоть плеткой отшлепай, лишь бы я снова не отключился.

– Не положено.

– Да клал я на то, что положено. Я знать хочу, что за хрень вокруг творится. Где я, кто ты? Когда я встану на ноги? Где ублюдки, что меня заморозили? Что со вторым парнем? Как я вообще выжил? – накинулся я на нее с вопросами.

– Давай по порядку.

Она присела на стул, достала из тумбочки бутылку с живцом и налила мне.

– Ты в больнице в Цитадели. Я твой лечащий врач. Обычно к никому неизвестным болтунам не приставляют личного знахаря, но тут случай особый. Ты единственный за всю историю, выживший после ритуала сектантов. Очень ценный свидетель, так как, возможно, единственный, кто что-нибудь дельное сможет сказать. Я сейчас.

Она ушла за дверь и вернулась спустя пару минут со шприцом в руках.

– Это поможет тебе продержаться какое-то время, но потом отходняк накроет, и ты опять уснешь.

– Годится, – согласился я.

– Как ты выжил – до конца не понятно. Известно лишь, что у тебя проснулся дар анабиозника. Причем совершенно очевидно, что это первая его активация. Умение сразу очень развитое, так не бывает. При первой активации дар не может быть таким сильным. Да ты вообще весь какой-то непонятный. Невозможно, что через год у человека дар активируется. По этому поводу тебя еще допросят.

– Анабиозник? – решил уточнить я непонятный момент.

– Ты совсем отсталый? – вскинула она брови.

– Считаю, что я полный нуб. Свежак голимый.

– Ладно, – улыбнулась она. Не знаю, как я это понял через маску, ну вот улыбнулась, и все тут. – Ты попал в мир, который зовётся...

– Ну не настолько свежак.

– Да поняла, поняла. Шучу. Что-то слышал, что-то видел, но не во все расклады врубался.

– Типа того.

– Анабиозник – редкий дар. Вы вроде как сугробники.

– Ну, спасибо за сравнение. Не будь ты прекрасной мадамой, уже бы в бубен схлопотала за такое.

Девушка рассмеялась.

– Ну, извини. Говорю как умею. Не нравится? Могу помолчать, – тут же все переиграла она.

– Да ладно, чего уж, говори, – сдался я.

– Такие, как ты, могут впадать в анабиоз. Дар не боевой, но тоже очень полезный. Сколько здесь вот так замерзло в бурю, и не сосчитать. А подобные тебе всегда выживают. Даже когда в горы экспедицию собирали, там был самый сильный анабиозник. Может, где-то замерз и до сих пор стоит там ледяной статуей.

– Понятно, – ответил я, зевая. – Что-то твоя хрень не очень действует, – сказал, ощущая, как тяжелеют веки.

Очередное пробуждение было не похоже на остальные. Я уже чувствовал собственное тело, как родное, словно заново сросся с ним. Как будто мозг во сне запустил программу диагностики и убедился, что ему так же все подконтрольно, нервы исправно передают сигналы, мышцы сокращаются. В общем, готов я к подвигам, и все такое. Но пока с кровати встать не буду пытаться, на всякий случай.

За дверью слышались разные голоса. Я узнал Алисин, остальные несколько были мужские.

– Где наш снеговик? – вклинился в беседу еще один хриплый голос. – Ах, он уже очнулся.

– Да погоди ты.

– Дай человеку в себя прийти.

– Имей совесть, – возмущались остальные.

Дверь распахнулась, и внутрь ворвался или ворвалось нечто. Он очень сильно напоминал Гринча-переростка. Высокий, широкоплечий, в костюме с галстуком. Мохнатое лицо, а точнее рожа приобрела животные черты. Кожа не то серая, не то голубая с синим.

– Ну здорова, ледышка, ничего себе не отморозил? – обратился он ко мне.

– Отморозил.

– Что?

– Чувство юмора. Смотрю на твою уродливую рожу, хочется что-то обидное и смешное сказать, а в голову ничего не лезет.

– Не умел никогда, а тут вдруг получаться перестало, – подколот он меня и плюхнулся на стул рядом с кроватью.

– Что, пришел украсть мое рождество?

– Твои деньги, – усмехнулся он в ответ. – Меня зовут Кесарь. Я сборщик налогов, – он протянул мне мохнатую лапу.

– А это не заразно? – с сомнением покосился я на его руку.

– Нет.

В палату вошла смугловатая коротковолосая брюнетка с какой-то папкой в руках, в черной юбке, белой блузке с декольте, обтягивающей бюст не меньше, чем пятого размера, и пиджаке, застегнутом только на одну пуговицу. Она встала справа от Кесаря. Справа от нее, в свою очередь, встала Лиса.

– Обезьяны, кокосы – апельсиновый рай, – пропел я, переводя взгляд слева направо и остановившись на груди Алисы.

Она фыркнула и скрестила руки.

– Лидочка, счет, пожалуйста, – сказал Кесарь.

Девушка порылась в папке и передала упакованный в файл лист. Гринч пробежался взглядом по документу и вручил его мне.

– Вот, ознакомься.

Я попытался сфокусировать взгляд на бумаге, но буквы отказывались складываться в слова, а когда все же складывались, их значение оставалось для меня загадкой. Но вырубил Кесарь, видя мое замешательство, он начал дублировать текст голосом:

– За транспортировку до Цитадели, оказание услуг первой помощи, вывод из состояния анабиоза и последующее сопроводительное лечение вам выставляется счет на сумму пятьдесят споранов и двадцать пять горошин.

– Ахренеть! – только и выдал я, задыхаясь от возмущения. – Засунь себе эту бумажку, знаешь куда?

– Тебя вылечили?

– Допустим.

– Вылечили, – кивнул Кесарь. – Формально ты все еще на лечении. Значит, плати. Тебе дадут неделю на размышление и выбор способа оплаты. Вот, распишись о том, что уведомили.

– Отказываюсь от всех дальнейших процедур.

– Нельзя, – тут же вклинилась Лиса. – Ты не прошел курс до конца, могут наступить осложнения.

– Плевать. Я вас вообще просил мне эти самые услуги оказывать? Не просил. Мне и так хорошо было. Солнечные ванны принимал. Вон как загорел весь целиком. Вот и иди на хрен, – сказал я Кесарю.

Вообще-то я прекрасно понимал, что заплатить все же придется. Только не представлял, где взять такую сумму. Но вот не нравился мне этот Кесарь. Поэтому спорить я с ним был готов насмерть. Чисто из природного упрямства.

За дверью заржали. В комнату вошел еще один мужик, высокий, гладковыбритый, с короткими черными волосами и в камуфляжной военной форме с капитанскими погонами.

– Здравия желаю, – сказал он мне.

– Здравова.

– Я Вепрь. Старший следователь погранслужбы. На вот, посмотри фото, может, кого узнаешь. А то этот тебя совсем заболтает, опять отключишься. А еще сутки ждать не с руки. Чем раньше начнем копать, тем больше шансов что-то нарыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.